

НФБ: МИРЫ ЕВГЕНИЯ ЩЕПЕТНОВА

Евгений ЩЕПЕТНОВ

ЧИСТИЛЬЩИК

Новый фантастический боевик (Эксмо)

Евгений Щепетнов

Чистильщик

«Эксмо»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Щепетнов Е. В.

Чистильщик / Е. В. Щепетнов — «Эксмо», 2017 — (Новый фантастический боевик (Эксмо))

ISBN 978-5-699-99060-3

Никто не знает, кто он такой. Ни приемная мать, ни всемогущая ФСБ. Да и сам он тоже не знает. Его нашли младенцем возле сгоревшего «КрАЗа», шофер которого погиб. Не удивительно, что когда найденный вырос, у него открылись необычные способности. Главная способность – видеть зеленую ауру Тварей, человекоподобных существ, которые жить не могут, чтобы не издеваться и не убивать. Но видеть их мерзкую ауру мало, нужно еще научиться охотиться на них. И он – научился. Для Тварей было бы лучше, если бы они не трогали самого близкого для него человека...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99060-3

© Щепетнов Е. В., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Евгений Щепетнов

Чистильщик

© Щепетнов Е.В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

Не знаю – кто я такой. И никто не знает. Даже наша всемогущая ФСБ, способная пере- считать прыщи на заднице будущего президента США.

Мама пыталась разыскать мою родню, задействовала знакомых фээсбэшников, с кото- рыми была дружна, которым не раз помогала за время своей работы следователем. Тогда они еще назывались «кагэбэшники». Или просто «соседи». Почему соседи? Потому, что «жили» они через стену, в одном и том же здании. Так вот ни «соседи», ни собственный розыск ничего не дали, – я не существовал. Нет, физически существовал, с 1970 года – тогда в наличии име- лось тело ребенка примерно полугода от роду, но по документам – меня не было.

Как не было и моих родителей, погибших в жуткой автокатастрофе.

Со слов очевидцев, огромный бензовоз – «КРАЗ» – выскочил с второстепенной дороги на трассу и со всего размаху ударил «шестерку», в которой ехали мои биологические родители. В лоб ударил. А потом загорелся.

Не осталось ничего – только пепел, искореженный металл, запах гари. И я – валяющийся на обочине, тихо пищущий в куче грязного, покрытого жирной, страшной копотью снега.

Водителя не нашли. Говорили, что он сторел в кабине «КРАЗа», что это вообще не води- тель этой машины, а пьяный угонщик, но разве кому-то от этого легче? Мне, моим родителям – разве от этого легче?

Меня сберег ангел-хранитель – по крайней мере, так сказал знакомый священник, к кото- рому мама отнесла меня, чтобы окрестить.

У мамы были (впрочем, и есть!) необычайно разносторонние связи во всех слоях насе- ления – от уголовников и продавцов на рынке до священника, настоятеля храма Покрова Пре- святой Богородицы, кстати – ее бывшего «клиента». Она познакомилась с ним во время одного расследования (что-то связанное с кражей из храма) и много лет поддерживала дружеские отношения.

Кто были мои родители? Как они выглядели? Иногда мне думается – что было бы, если бы они остались живы?

Я бы не знал маму.

Я бы не поступил в юридический институт и не стал бы милиционером.

Я бы... да много чего я бы мог или НЕ мог, если бы бешеный «КРАЗ» не раздавил мою прежнюю жизнь, пройдясь по ней тяжелыми, грязными, жестокими шинами!

В истории нет сослагательного наклонения – «Что было бы, если бы». Оно так, как есть, и не может быть по-другому. Увы.

Поиск по номерам «шестерки» ничего не дал – люди, которые были указаны в регистра- ционной карточке автомобиля, никогда не жили по указанному в ней адресу и вообще не суще- ствовали на белом свете. Мама тогда даже подумала, что это были какие-нибудь тайные агенты КГБ, «под прикрытием», как сейчас стало модно это называть. Но и поиск в КГБ ничего не дал. Нет таких людей, и все тут. И никогда не существовало.

Конечно, могло быть так, что информация о моей прошлой семье в ранге «Перед про- чтением сжечь», но скорее всего – мои родители были преступниками, скрывающимися от правосудия. Если знать – как и к кому обратиться, даже в Советском Союзе, с его жесткой системой контроля и мощным правоохранительным аппаратом, можно было выправить нуж- ные документы и скрыться, растворившись в трех сотнях миллионов жизней и судеб людей, большинство которых не знают и никогда не узнают о существовании друг друга.

Как я оказался у мамы? Да просто. Ну... для нее – просто. Как раз тогда она решила, что хочет ребенка. Почему сама не родила? Не могла. Так бывает... Был у нее муж, были дру- гие мужчины, но детей не получилось. «Не дал Бог» – как говорят по этому поводу любопыт-

ные «скамеечные» бабки, провожая взглядом несчастливую соседку – вроде и красивую, и при хорошей должности, но вот... несчастливую, и все тут. Без семьи, без детей – какое счастье?

Мама всегда была женщиной «резкой», конкретной, со связями, особенно тогда – старший следователь РОВД. Задумано – сделано. «Дома малютки» по всей стране – обзвон через многочисленных знакомых, и вот он я – копошащийся в пеленках, пахнувший аммиаком комочек плоти.

Я пробыл в «доме малютки» дней десять, или около того, а потом... потом няни – одна за другой, лица их я не помнил, кроме одной, тети Тани – добродушной дебелий селянки, обосновавшейся в столице и подрабатывающей нянькой у «богатых» москвичей. Почему я запомнил именно ее? Потому что был свидетелем того, как мама выгнала тетю Таню – со скандалом, буквально с треском, – и тогда я впервые узнал, насколько жесткой и даже жестокой может быть моя добрая, всегда тихая, спокойная мама, ни разу не повысившая на меня голос.

За что она выгнала няньку? За длинный язык, само собой. Та гладила меня по голове, приговаривая: *«Сиротка, бедненький! Плохо небось без мамки-то, да?»*

Сколько тогда мне было? Года полтора? Я уже умел говорить, и первое, что спросил у мамы, – кто такой «сиротка»?

Я не знаю, зачем нянька это сделала – от «большого» ума или нарочно, чтобы насолить следовательнице (это потом мама узнала, что у няньки не так давно посадили брата), но факт был фактом – она заронила в мою душу подозрение, что со мной что-то не так. И когда я стал постарше и поумнее (мама тогда отказалась говорить насчет «сиротки»), выяснил, что же все-таки со мной – «не так». Тем более что доброхотов нашлось просто-таки «выше крыши» – начиная с бабок на скамейке у подъезда и заканчивая «добрыми школьными друзьями», не дающими забыть о происхождении человека без имени, без национальности, без судьбы.

Как ни странно, новость меня не потрясла. Настоящих родителей я не знал, не помнил и – честно сказать – не особо о них жалел. Абсолютно чужие мне люди. Может, хорошие, а может, и плохие. А вот мама – она всегда рядом, ясная, прямая, как кол, и такая же опасная для врагов.

Ее побаивались, я знал об этом. И ненавидели. В школе учатся разные дети, и у них разные родители. Не все из родителей законопослушны, и нет школ специально для детей работников правоохранительных органов.

Если и детский сад не задержались у меня в памяти – какие-то бесформенные тетки в белых халатах, похожие на ожившие облака, вкусный запах из кухни – мне нравилась вермишель, зажаренная с яйцами, больше нигде в жизни я не ел такую вкусную вермишель!

Дети – как игрушки, игрушки – как дети. Горки, гулянье на улице, сон в деревянной кровати – обычно я оставался на продленку, мама много работала. Работа следователя – хлопотная работа, и с ней не до семьи.

Потом школа, первый класс – школу я ненавидел. Люто ненавидел! Ну, только представить – мальчишка-сирота, приемыш у следователя РОВД! Наглый «ментовский выкормыш» так и напрашивается на хорошенькую трепку!

И я получал. Приходил домой с разбитой физиономией, прятал ее от мамы. Почему-то мне казалось, что когда она узнает о том, как надо мной издеваются по дороге в школу и с занятий, – она возьмет служебный пистолет, пойдет и всех их застрелит. И ее посадят. И тогда я останусь один. Совсем один. Как клен с промерзшим стволом.

Я когда слышал эту песню, эти стихи, у меня почему-то слезы наворачивались на глаза – так было жалко этого клена, завязшего в сугробе и отморожившего ногу. Я сразу представлял, что клен – это я, замерзаю на улице, а где-то далеко меня ждет мама и никак не может дожидаться...

Само собой – мама меня сразу раскусила. Конечно, никакого пистолета она не достала, но в школе была, и мало никому не показалось. Мои обидчики имели очень бледный вид – как

и директор школы, до которого дотянулись руки всемогущего горона – страха и ужаса нерадивых директоров школ, допустивших во вверенных им заведениях хулиганский, не допустимый советской школой беспредел.

От меня отстали. Любви мне это от соучеников не добавило, но трогать теперь боялись – волшебные слова «детская комната милиции» действовали на хулиганов как волшебное заклинание.

Смешно, но мне, первоклашке-второклашке, эта самая «детская комната» представлялась чем-то вроде темного подвала, на стенах которого развешаны многочисленные орудия пыток и истязаний, а сами дети в этой комнате сидят в клетках, похожих на клетки зверей в передвижном зверинце – вонь, грязь, и исхудавшие физиономии хулиганов, отбывающих свой положенный судом срок!

Через некоторое время я убедился, что все это совсем не так, что тетенька в детской комнате милиции хотя и строгая, но справедливая, что сама комната – обычная комната с папками на полках, со стульями, сиденья которых засалены поколениями задов хулиганствующих огольцов, а сама постановка на учет суть формальность, которая ни к чему обычно не ведет. На учет можно было попасть и просто за разбитое стекло кабинета, и за взрывпакет, сделанный из алюминиевой пудры и марганцовки, – чем баловался каждый второй, а может, и каждый первый едва вошедший в разум пацан.

Мама не ограничилась ковровой бомбардировкой учебного заведения, в котором мне предстояло промучиться десять лет. Как человек, который ничего не оставляет на волю случая и умеет просчитывать на несколько ходов вперед, она закономерно предположила, что скоро воронки от бомбежки засыплют, страх перед расплатой притупится, и преследование начнется с новой силой – только на уровень выше, так как обидчики подрастут, как и их обиды. Только теперь они будут умнее и подстерегут меня не в окрестностях школы и, возможно, даже не сами – мало ли какие друзья есть у малолетнего хулигана, иногда эти друзья куда как страшнее того, кто сам не решается напасть на свою жертву, само собой, заслуживающую страшной кары. А на фиг стучать на пацанов и натравливать «ментовскую» мамашу!

Конечно, потом все это закончится для недалёковидных придурков очень и очень плохо, но мне-то будет все равно – я останусь инвалидом или буду гнить в тесной могилке, под темным каменным обелиском с моей улыбочивой овальной фоткой, выцветшей под палящими лучами летнего солнца, исхлестанной осенними дождями и зимним морозным ветром. Нет, такая участь мою маму точно бы не устроила, и я сейчас думаю – скорее всего, она бы тогда точно пошла и перестреляла всю эту шелупонь.

Но мама очень умна и потому поступила единственно правильно и радикально – если в этом мире ценят силу, значит, надо быть сильным. И отправила меня в секцию бокса, к Тимофею Петровичу Солодкому, бывшему чемпиону Союза в тяжелом весе.

Помню, как я впервые появился в спортзале – до сих пор картина стоит передо мной, будто было все это только вчера – ринг, зал с мешками, острый запах пота и кожи перчаток, висящие на канатах бинты, которыми нужно бинтовать руки, прежде чем перчатки боксерские надевать.

И Петрович – громадный, эдакий Кинг-Конг, с ручищей, способной раздавить твою руку, если сожмет ее чуть покрепче. Если бы не травма, он стал бы олимпийским чемпионом, точно. Но... бокс не очень здоровая штука, хотя и полезная – особенно если тебя пытаются обидеть малолетние отморозки.

Кто ему была моя мама – не знаю. Вероятно, он тоже был одним из ее «клиентов». Должник по жизни. И ему она доверила самое дорогое, что у нее было, – сына.

Как ни странно, дела в секции у меня пошли очень хорошо. Да не просто хорошо, а замечательно! Вдруг обнаружилось, что я довольно силен, сильнее, чем все мои сверстники

из «нулевой» группы секции. Более того, я обладаю резким, нокаутирующим ударом, и это – в свои восемь лет!

Когда обнаружилось впервые – честно сказать, я напугался. Спарринг с Володькой Дубининым, таким же спиногрызом, как и я, что может произойти в этом бою, когда мы занимаемся всего лишь седьмой месяц? Нам до сих пор вообще не разрешали спарринговаться, справедливо полагая, что проку от этого месилова бестолковых новичков никакого не будет – один вред! И вот мы на ринге, преисполнены торжественности момента. И первая же моя «двочка» проходит на ура, и Володька валится на пол, будто ему врезал не такой же оголец, как он сам, а парень года на четыре-пять постарше!

Переполох был! Петрович белый как мел! Только представить – восьмилетка в глубоком нокауте! Похоже, он мысленно уже сухари сушил. Готовился к отсидке.

Все закончилось хорошо, Володька оклемался, без последствий, но с тех пор меня ставили спарринговаться только с парнями старше меня года на три и больше. И то не обходилось без проблем: нокдаун, нокаут – если работали в полную силу – совсем не был такой уж и редкостью. Я работал кулаками, как машина для забивания свай. И еще оказалось, что у меня невероятная скорость и малочувствительность к боли. Я переносил на ногах такие удары, которые свалили бы бойца раза в два старше, а если мне разбивали губу, ставили синяк под глаз – просто этого не замечал. Да и заживало на мне все как на собаке – все удивлялись, и в первую очередь тренер.

Петрович пророчил мне великое будущее, он говорил, что мальчишку с такими данными, как у меня, еще не встречал, что, если я буду работать как следует, тренироваться – олимпийское золото у меня в кармане.

Наверное, так бы и было, если бы Петровича не убили как раз после городских соревнований, на которых я выиграл нокаутами – вчистую, в первых же раундах, под рев ошеломленной толпы. Он погиб в своем подъезде, от удара шилом прямо в сердце, в спину.

Убийц так и не нашли. Поговаривали, что Петрович ввязался в игру на подпольном тотализаторе, проиграл большую сумму и его убрали.

Я рыдал. Честно сказать, он мне был как отец, которого у меня никогда не было. Если бы я смог найти его убийц – растерзал бы на месте, забил до смерти. Возможно, тогда у меня окончательно утвердилась мысль пойти работать в милицию... Мне было шестнадцать, скоро конец учебе в школе, надо думать – кем быть, как жить, и вообще... чем быть в этом мире. Я люто ненавидел шпану, моя мама – следователь, моего тренера подкололи отморозки – куда я еще мог пойти? Кем стать?

И, кстати, насчет шпаны – как и предполагалось, меня попытались достать уже через год после того, как мама навела террор в моей «дорогой» школе. Это были трое пацанов старше меня – по крайней мере года на два. Главный обидчик при этом маячил на горизонте, старательно делая вид, что не имеет к происходящему ровно никакого отношения.

Парнишки заступили мне дорогу с сакральным, набившим оскомину вопросом:

– Ты чо, внатури?! Ты чо тут ходишь, козел?!

Отвечать я не стал. Первым пал тот, что в середине – хлесткий выстрел правой рукой в солнечное сплетение и добивающий свинг слева, в висок.

Второй попытался дернуться, но тут же залился кровью от кросса в нос, а затем упал, получив подлый удар левой – в пах. Я был ниже их на полголовы, потому почти не пришлось нагибаться.

Третий все понял чутьем уличной битой-перебитой дворняги и бросился наутек и за помощью – к недругу, остолбенело наблюдавшему за эпической битвой Давида и трех Голиафов. Но уйти не успел – подножка сзади, а потом – уже на земле, сверху вниз, в скулу, так, что хрустнули кости лица.

Недруг вкурил ситуацию позже всех, видимо потому, что не ожидал подобного результата – я не афишировал свои тренировки и старался не выделяться на физкультуре, хотя давно уже мог уделать любого из одноклассников одной левой. Он бросился бежать. Но бежал как-то вяло, будто его не слушались ноги, и, когда я его настиг, упал на землю, зажал лицо руками и начал рыдать: «Прости! Прости! Не надо!»

Нет, я не могу себе соврать. Не простил. Хотя сейчас об этом вспоминать довольно-таки неприятно. Я измордовал парнишку так, что на следующий день его лицо напоминало окрашенную в желтый и синий цвета боксерскую грушу.

Был скандал. Было разбирательство. Если бы я ограничился только нанятыми за три рубля хулиганами – рты оппонентов не раскрылись бы с самого начала. Но у нанимавшего были родители – отец, директор овощной базы, мать, секретарь какого-то из начальников отдела городской администрации. Они желали моей крови, и маме стоило большого труда и больших интриг сделать так, чтобы сложилась правильная картина происшедшего – идет маленький мальчик, на него нападают трое здоровенных хулиганов, и он дает им отпор. Хулиганы повержены, а при попытке задержать организатора нападения пострадал главный участник событий, их организатор – сын директора овощебазы.

Мама потом рассказала – пришлось обрабатывать хулиганов, заставив их искренне рассказать – кто и почему нанял этих придурков, и стоило все это больших усилий – папочка пустил в ход мощный катализатор процесса – деньги, которых у него, само собой, было более чем достаточно.

Впрочем, «в те времена далекие, теперь почти былинные», деньги значили еще не все. Главное – связи, деньги уже потом. Нет связей – лишишься и денег, а то и самой жизни, пущенной под колеса тяжелой ржавой машины под названием «Система». Несколько проверок на базе, совет не рыпаться – и заявление по поводу избиения сына рассосалось само собой.

Сейчас, скорее всего, так бы уже не вышло, сейчас во главе угла деньги, а тогда борьба с нетрудовыми доходами и корпоративная солидарность ментов не были пустым звуком и придумкой досужих журналистов. Дело заглохло. И после этой моей показательной экзекуции меня обходили стороной даже старшекласники.

Вот тогда, во время этой драки, вернее сказать – избиения, я впервые *УВИДЕЛ*.

Это было слабое зеленое свечение – оно шло от двоих, от того мальчишки, которого я ударил первым, и от заказчика нападения. Слабое, едва заметное, но все-таки вполне себе ясное и различимое.

А еще было очень странное ощущение – когда я бил этих двух, у меня будто бы прибавилось сил! Голова стала ясной, звонкой, тело работало как хорошо смазанный механизм! Мышцы едва не звенели от переполнявшей их энергии!

А еще... я наслаждался! Наслаждался избиением, наслаждался «процессом»! И это наслаждение похоже... нет, тогда я не знал, на что это похоже. Узнал гораздо позже. Гораздо. Мне едва исполнилось девять лет, и ни о каких оргазмах я тогда и не помышлял. Даже не догадывался, что существуют такие... понимаешь ли... процессы в организме человека. Интернета в то время не было, так что половое просвещение нашего «мелкого народца» происходило естественным образом, с помощью картинок, рассказов старших товарищей-брехунов да глупых похабных анекдотов, о которых люди предпочитают не помнить, когда становятся совсем уже взрослыми.

Мне просвещаться особо-то было и негде. И некогда. Со сверстниками в школе я не дружил, вся моя жизнь была в спортзале – тренировки, парная-баня по средам и субботам, дорога домой, ужин, уроки, сон, школа, и так по кругу.

Честно сказать, другой жизни я не представлял, да и не хотел. Ну а половое просвещение на уровне подворотни получить в секции было практически нельзя – Петрович строго следил за поведением своих воспитанников и – если что – мог вlepить и подзатыльник. А рука у

него была тяжелая, кирпич ломал! Это уже потом, на сборах, на соревнованиях, живя в одной комнате с соратниками, наслушался всякого... но тогда ничего подобного не было.

История с нападением закончилась, но я вспоминал и вспоминал то состояние, которое возникло у меня во время драки, и зеленое свечение, о котором я, глупый мальчишка, тут же доложил своей любимой маме.

Как и следовало ожидать – мама, как поступили бы все мамы на ее месте, всполошилась и потащила меня по врачам. Последним из них был психиатр – старая толстая тетка, которую мама звала Мариванна.

Врачи, само собой, ничего у меня не нашли, кроме патологически безупречного здоровья (*так сказал мамин знакомый, доктор медицины, профессор*) и могучей мускулатуры, достойной взрослого парня (*и это выдал профессор*). Я и сам не заметил, как за год постоянных тренировок развился, подрос, даже ходить стал иначе – выпятив вперед грудь, плавно, с достоинством. (*Это мама сказала, искренне радуясь, что ее идея выросла в хорошее дело.*)

А вот Мариванна докопалась до меня по полной. Дурацкие тесты, которые я прошел не задумываясь, чем ее удивил и даже потряс (это потом я узнал, что старая карга подсунула мне тесты для претендентов на работу в милиции), и больше часа терзала меня вопросами, на которые я отвечал спокойно, без эмоций, совершенно доброжелательно, чем потряс ее еще больше. Она так и сказала маме – любой другой мальчишка на моем месте к концу беседы уже трясся бы от злости или изнывал от скуки. Я же вел себя так, будто такие обследования совершенно рутинное дело, и я прохожу их каждый день, дважды в день – до обеда и после обеда.

Кстати сказать – я тогда так и не понял, чего она разволновалась. Я-то совершенно не волновался! Меня все это даже забавляло! Напоминало игру, в которой один задает вопросы, пытаясь вычислить лжеца, а другой старается солгать как можно увереннее, так, чтобы допрашивающий не смог тебя поймать на лжи.

Честно сказать, эти глупые тесты на самом-то деле были составлены для людей не очень великого умственного развития – например, я легко разделил их на три части – первая группа касалась моего физического здоровья, где каждый вопрос дублировался трижды, разными словами. Психического здоровья. (Тут я немало повеселился! «Слышите ли вы голоса, которые никто не слышит?») Ну и вопросы, которые одновременно отвечали и за моральный облик, и просто показывали, вру я или нет, склонен ли ко лжи или нет.

Например, такой вопрос: «Можете ли вы взять товар в магазине «по благу», без очереди?» Попробуй на него ответить – «Нет!» Тут же попадешь в разряд лжецов. Вся наша Система состоит из «по благу», и даже девятилетка, пусть и со способностями вундеркинда (как сказала Мариванна), прекрасно все это дело понимал.

Ну, дальше пошли новомодные тесты на ай-кью (Мариванна притащила их из каких-то зарубежных журналов), головоломки и все такое прочее. Я решил их довольно быстро и без проблем.

И вот когда дело дошло до зеленого свечения, с точки зрения Мариванны, я уже был готов рассказать все, что угодно, лишь бы вырваться из пухлых ручек маститого профессора. (Да, она тоже была профессором – мама стреляла только из крупного калибра.) Легонько, наводящими, осторожными вопросами Мариванна пыталась влезть мне в мозг, выудить из него рыбку информации, но я не дал ей никакой возможности этого сделать.

Зеленое свечение? Да это я так... показалось. От волнения.

Здоровья прибавилось из-за того, что я побил хулиганов? Ну а то же! Любой, кто победит врага, будет радоваться, и здоровья у него точно будет больше! Ведь так же?

Но последнее, что добило потрясенного психиатра, – это то обстоятельство, что мой мозг категорически отказался впасть в гипноз. Мариванна бубнила свои усыпительные мантры, болтала перед моими глазами невесть откуда взявшимися у нее серебряными часами на длин-

ной цепочке – никакого эффекта. Я не желал засыпать. Как насмешка над всей отечественной и зарубежной психиатрией.

Когда мы с мамой вышли из психиатрической лечебницы на освещенную солнцем улицу, я облегченно вздохнул – мне совсем и никак не нравилась перспектива остаться в психушке под «наблюдением опытных врачей», как советовала сделать светоч современной психиатрии, доктор наук и профессор, в миру – Мария Иванова Кольцова. Уж больно ей хотелось понаблюдать за странным ребенком в благоприятных лабораторных условиях, провести ряд опытов, а потом написать научный труд – ничуть по большому счету не заботясь о том, как скажется на психике девятилетнего мальчишки отрыв от привычного окружения и перенос во враждебную ему среду.

Ученые, они сродни наркоманам, готовы на все ради очередной дозы того, что им хочется больше всего на свете. Наркам – наркота, ученым – знания. Только вот ни я, ни моя мама не собирались приносить мое тело в жертву на алтарь научного прогресса. Обойдутся, большеголовые! Перебьются.

Мама молчала, я молчал, и больше тема зеленого свечения никогда не поднималась в нашей семье.

Вот только я эту тему не забыл. Ощущение радости, счастья, наслаждения – каждый, кто хоть раз испытал, попробовал нечто подобное, – уже никогда не забудет и... захочет все это повторить!

Но повторить удалось только через пять лет, когда мне исполнилось четырнадцать.

Все эти годы я прилежно учился – что не составляло абсолютно никакого труда. Вдруг выяснилось, что я обладаю абсолютной памятью, то есть достаточно мне прочитав текст только один раз, и запомню его на всю свою жизнь. И не важно, что это за текст – я могу повторить его слово в слово, запятую в запятую. И потому – учиться мне было легко и приятно.

Особенно из-за того, что по большому счету в школе я бывал не так уж и часто. Тренировки занимали все мое свободное время, а выезды на сборы, на соревнования – и все *не* свободное. Бесконечные справки от общества «Динамо», которые я таскал в школу, чтобы оправдать многонедельное отсутствие на занятиях, ничуть не добавляли мне любви ни учителей, которых раздражал мой эдакий слишком вольный образ жизни, ни одноклассников – по той же причине, а еще потому, что при всей этой вольности экзамены я сдавал на «отлично». Память есть память. Ну что поделаешь, если мой интеллект выше на несколько порядков, чем у сверстников?

Кстати, маму это обстоятельство на самом-то деле пугало. Ведь началось все с того, что меня как следует отлупили по дороге из школы, надавали по башке, вот мама и боялась, что где-то в моей детской головенке «шарики зашли за ролики», и я стал чем-то вроде гениального идиота, человека-счетчика, или чего-то похожего.

А еще – что у меня в голове таится опухоль, которая давит на мозг и вызывает гениальные способности, а также... галлюцинации, выразившиеся в зеленом свечении вокруг неких объектов.

Нет, вслух она об этом не говорила, но время от времени все-таки таскала меня по врачам – для профилактики заболеваний, как она говорила. Я сдал кучу анализов, я просвечивал голову – уж и забыл сколько раз, – но каждый раз врачи убеждали мою маму, что у нее на попечении ненормально здоровый ребенок, у которого не то что головных болей не имеется, нет даже ни одного больного зуба – все белые, ровные, как на подбор!

В конце концов моей упорной, даже несколько фанатичной маме надоело ходить по многочисленным профессорам, с изумлением поцокивающим языками в безуспешной попытке разгадать замысел Бога, подарившего миру такое чудо, как я, и она наконец-то от меня отстала, строго-настрого приказав доложить, когда у меня начнутся очередные глюки. То есть потре-

бовала того, что я бы не сделал никогда и ни под каким видом – помня последствия некогда сказанных мной неосторожных слов.

Да, после того как я попал в школу, уметь стал не по дням, а по часам, будто в моей голове нажали некую кнопку, включающую механизм ускоренного обучения.

Впрочем, я об этом совсем не задумывался. Моя жизнь мне нравилась, и шла она как по рельсам – скоро я стал чемпионом города среди детей, потом среди юношей, бокс занимал все мое время, не оставляя его на какие-то посторонние мысли, дела, даже на романтические бредни, овладевающие каждым нормальным мальчишкой с наступлением его половой зрелости. Можно сказать даже так – вся моя сексуальная энергия тратилась на совершенствование моих бойцовских качеств.

Нет, не скажу, что в моей голове не возникали сладострастные картины, на которых я совершенствую свое сексуальное умение (нулевое, если не считать кое-какой информации, полученной от приятелей по секции), но дальше «самообслуживания» дело не шло. И повторюсь – времени на это не было никакого.

Две тренировки в день – какие, к черту, девушки? Мама даже обеспокоилась и одно время принялась меня аккуратно, настороженно расспрашивать – *как* мне нравятся девушки и нравятся ли *вообще*? Я вначале смущался, а потом стал просто хохотать, чем привел в смущение уже саму маму, которая никак не могла спросить впрямую – не гомик ли я?! Пришлось уже мне без обиняков заверить, что никакого удовольствия от созерцания и тисканья мужских задов у меня нет, что я нормальный парень, но у меня просто не хватает времени на всю эту ерунду. Под ерундой я подразумевал романтику, вздохи под луной, дрожащие от возбуждения руки и неловкий секс, заканчивающийся обычно неприятностями – большими и маленькими.

В четырнадцать лет я выглядел совершенно взрослым, разумным парнем – это отмечали даже соседи, для которых я был примером того, какой должна быть современная молодежь. Я выносил мусор, выбивал ковры, всегда приветливо здоровался с соседями, помогал донести сумку или затащить шкаф – благо силы у меня было хоть отбавляй.

Да, силы у меня хватало. Я легко жал «сотку», а ударом кулака мог свалить человека массивнее себя раза в два. Во мне было больше шестидесяти килограмм тонких стальных мышц, крепчайших сухожилий и больше ста семидесяти сантиметров роста. И я все еще рос. Быстро рос, и однажды Петрович сказал, что если я буду так расти, то скоро вымахая под два метра, а может, и больше. Что не очень хорошо для боксера – как и лишняя мышечная масса – удар становится менее резким, вялым, хотя и шанс, что тебя пошлют в нокаут, становится таким же, как у боксеров веса «пера». Тяжеловесы очень устойчивы на удар. Масса, однако. Да и кости черепа крепче, чем у обычного человека.

Вообще-то мне всегда нравились средневесы, или полутяжи, – и фигура в порядке, и удар пушечный. А что эти тяжеловесы? Пыхтят, толкаются – сумоисты, да и только, а не настоящие боксеры! Но против природы не попрешь – что дала, то и дала.

Но опасения Петровича были напрасны. Мой рост в конце концов остановился на отметке 187 сантиметров, да там и застыл, как и вес, который уже несколько лет колеблется от восьмидесяти до восьмидесяти трех килограммов. В зависимости от интенсивности тренировок. Только теперь уже не боксерских.

В общем – я был примером для молодежи, гордостью мамы и завистью соседей, непутевые отпрыски которых вечно попадали в неприятности, зависая в детской комнате милиции. Ничего не предвещало беды. Но разве Провидение отличается справедливостью и любовью к людям? Разве есть в мире справедливость, кроме той, которую мы творим своими собственными руками?

Мало было того, что некогда разбились в катастрофе мамыны родители, оставившие ей эту квартиру.

Мало того что судьба лишила ее возможности родить собственных детей.

Мало того что мои родители сгорели в адском огне по вине пьяного угонщика, решившего прокатиться на бензовозе.

Мама едва не погибла. Она возвращалась с работы ночью, когда сзади какая-то тварь нанесла ей удар по голове – куском металлической трубы.

Нет – никаких происков преступников, отправленных мамой за решетку. Это была середина семидесятых, когда милиционер – лицо неприкасаемое, почти священное, когда их не били по голове кастетом, не стреляли в упор – трудно сейчас представить, но тогда каждое применение огнестрельного оружия считалось ЧП, на которое выезжал районный прокурор, а то и прокурор города! Менты ловили преступников, преступники убегали, каждый делал свою работу, и случаи мести были большущей редкостью. Не то что в девяностые.

Это было банальное ограбление – ей разбили голову, забрали кошелек с двадцатью рублями и мелочью, сорвали с пальца (с мясом) колечко, которое родители подарили на выпускной вечер, а потом избili – так, что сломали ребра, ноги, нос, нижнюю челюсть.

Зачем били? Может, потому, что испугались? Увидели удостоверение майора милиции, и первой реакцией, как у испуганной бродячей собаки, стало: «Броситься, укусить!»? А может, мстили в ее лице всем ментам на свете – мразь всегда винит в том, что он стал мразью, всех, кроме самого себя. Кто виноват, что мразь оказалась в тюрьме? Конечно, менты! Если бы не они – жил бы на украденные у соседа деньги припеваючи, а тут они – «волки позорные»!

Черт с ними – с деньгами! Черт с ним – с кольцом! Но зачем увечить, тварь?! Зачем пинать женщину, которая и так уже находится без сознания и ничего не может тебе сделать? Никогда не понимал этих бесов. Этих рептилоидов. Ни-ког-да!

Маме тогда было... сколько ей было тогда... так... меня она взяла, когда ей было всего 33 года, и врачи накануне сказали, что она никогда не сможет иметь детей.

Мне, когда ее изувечили, было полных четырнадцать лет. Так что ей тогда... 47 лет. Достаточно еще молодая женщина, крепкая, сильная (в молодости занималась многоборьем!) – потому, видать, и сумела выжить. Но... не без последствий.

Инвалидность, полупарализованная левая сторона тела, трясущаяся голова – тень от прежней, цветущей, сильной, энергичной женщины, майора милиции, следователя, раскручивавшего самые сложные дела, о которые сломали зубы и более «звездастые» коллеги.

Когда я узнал о беде – мы были на соревнованиях в Новосибирске. Позвонили мамини сослуживцы.

Со мной не было истерики. Я не плакал. Просто окаменел от горя и сделался жестким, как гранит. Тренер хотел отправить меня на поезде – одного, снять с соревнований, но я знал, как нужна нашей команде моя медаль, и остался до конца – еще на два дня. Каждый день звонил в больницу – дважды в день. И потом перед глазами стояла картина – я приезжаю, прихожу в больницу, а мне говорят: «Отмучилась, сердешная!» Почему-то именно так, такими словами, как из старой книги Тургенева или Толстого. И кровь стыла в жилах.

И я выиграл золотую медаль, и разразился невероятный скандал. Не потому, что выиграл, а потому КАК выиграл. Я едва не убил несчастного мальчишку, который вышел на ринг и встал против меня. Будто замкнуло. Будто я хотел выместить на этом парне всю обиду, всю злость, всю ненависть к тем тварям, которые покалечили мою маму! Я бил, бил и бил – страшно, как в мешок, сам получая удары и не обращая на них никакого внимания! Меня просто не интересовали потуги «мишени», неспособной нанести мне ровно никакого вреда! Ну да – разбитые губы, подбитый глаз, кровь из носа – ерунда! Кровь остановилась у меня через несколько секунд, губы зажили – через день, синяки рассосались через сутки. Парню пришлось гораздо хуже. Я месил его так, что, прежде чем судья остановил бой «за явным преимуществом», я успел сломать противнику челюсть в двух местах, размозил нос, рассек брови (обе!), и он напоминал собой отбивную, а не живого человека.

Потом обнаружилось, что у него сломаны еще и три ребра – результат моего апперкота в ошеломляющей, невероятной по скорости, убийственной серии.

Тренер потом сказал, что никогда еще не видел такой феноменальной скорости и такой феноменальной глупости, как в этот раз. Я абсолютно не заботился о своей безопасности, как берсерк, готов был убивать и быть убитым, поставив на карту всю свою жизнь. И это уже был не спорт. И этому он, тренер, нас никогда не учил. И очень жалеет, что не отправил меня домой, как хотел до того. К черту такие медали, к черту такая жизнь – если его ученик превращается в зверя, неспособного жалеть людей! И даже сказал – теперь он сомневается, правильно ли делал, что учил меня всему, что знает сам.

В общем, мы поссорились – если можно так сказать. Ссорился, скорее, Петрович – я только, насупившись, молчал, думая о своем. А когда Петрович устал и, махнув рукой, ушел в свое купе, я улегся лицом к стене и пролежал так до самого приезда, поднимаясь, только чтобы пойти в туалет да набить желудок чем-нибудь питательным, не разбирая вкуса – молодой организм требовал своего, даже если мозг и был залит пенящимся потоком горя и досады.

С вокзала я поехал в больницу – Петрович выдал мне деньги на такси, а перед тем, как посадить в машину, вдруг прижал к себе – сильно, по-отцовски, и глухим голосом, полным сдерживаемой ярости и боли, сказал: *«Держись! Все будет хорошо! Я верю! Маме привет передавай!»*

Уже потом, когда Петровича не было в живых, я узнал – он поставил на уши весь город. Он связался с криминальными боссами, пытаясь узнать, кто же напал на мою мать. Он объявил награду за головы этих тварей и пообещал, что удвоит ее, если тварей доставят к нему лично и живыми.

Тренер по боксу – в «Динамо» он или в «Трудовых резервах» – всегда имеет связь с миром криминала. Большинство из уголовных авторитетов новой волны девяностых прошли через секции бокса или единоборств, и большинство из членов их бригад – бывшие военные или спортсмены. А чаще – и то и другое разом. Мир профессионального спорта не так уж и велик, и тренеры в них – как опорные столбы платформы, стоящей над морем людей.

Кроме того, справедливо не надеясь на наши правоохранительные органы, которые без смазки работают довольно-таки вяло, он активировал всех знакомых ментов, дойдя вплоть до самой верхушки ГУВД (благо что общество-то «Динамо»!).

Увы, ничего из этого не получилось. Преступники как в воду канули. Скорее всего, они были приезжими из какой-нибудь восточной республики и после совершения преступления в панике свалили к себе на родину, справедливо опасаясь жестокой расплаты. *(Майора, мента – святотатство! Все равно как на бая напасть!)*

Меня пустили к маме в палату реанимации – сам не знаю почему. Туда вообще никогда никого не пускают, но меня пустили. Скорее всего, постарался тот же всемогущий Петрович, который ничего не пускал на самотек. Кроме своей жизни...

Я стоял на коленях у маминой постели и смотрел в покрытое синяками лицо с таким ужасом, которого не испытывал никогда в жизни, даже тогда, когда меня пообещали бить каждый день, «пока я не сдохну, захлебнувшись кровью». Тогда я почему-то знал, что у негодяев ничего не выйдет – наверное, потому, что у меня была моя мама, способная тучи развести руками, опрокинуть гору, поднять грузовик, убить всех вокруг – если со мной что-то случится! А теперь она лежала передо мной – безмолвная, съжившаяся, фиолетовая от побоев и тихонько, с хрипом дышала через маленькие трубочки, введенные в ее ранее красивый, греческий нос.

Тогда я и решил стать тем, кто наказывает негодяев. Санитаром леса, карателем, мстителем, тем, кто вершит правосудие, тем, кто восстанавливает справедливость – какой бы цены это ни стоило. Но еще не знал – как именно я буду карать.

Она начала узнавать меня через неделю. Через месяц – стала шевелиться, садиться в постели. Еще через месяц – начала ходить. С палочкой, по стенке, чтобы добраться до туалета.

Помню, как она меня стеснялась. Настояла, чтобы мы наняли сиделку, говорила, что умрет, но не позволит себе делать *это* при сыне. Я обижался, но мама настояла на своем. И я понял ее. Она, моя опора, мой стальной столб, несокрушимый и негибачаемый, не могла себе позволить стать ржавой балкой, ни на что не годной, никчемной, готовой ежесекундно рухнуть. У сильных людей свои причуды, а моя мама была не просто сильной, она на самом деле была стальной!

Месяц я не ходил на тренировки. Во-первых – беда с мамой, и я пропадаю в больнице, где меня знали уже все медсестры, безуспешно строившие мне глазки.

Мне, четырнадцатилетнему мальчишке! Ну не смешно ли? Ну да, я выглядел взрослым, да, я был чемпионом и красавчиком – бокс не смог изувечить ни моего прямого (как у мамы!) носа, ни безупречной формы ушей, ни длинных пальцев пианиста с ровными, как вычерченными ногтями, за которыми я ухаживал с детства (мама настояла, научила!).

Я был высок, плечист, вежлив и культурен, хорошо, модно одевался (спасибо маме и Петровичу – дефицит не был для меня дефицитом). Как сказала одна из медсестер (я слышал из палаты): «Он похож на Алена Делона и одновременно – на Гойко Митича!»

Смешно, правда – как это так, с мелкими чертами, «французистый» киноактер, и одновременно – гроза всех белых злодеев, самый «индеистый» индеец всех времен и народов?! Честно сказать, тогда я подошел к зеркалу и долго рассматривал свою совершенно тривиальную физиономию – ну что они такого во мне нашли? Меня слегка раздражали их посягательства на мою персону, неужели им непонятно – у меня *мама* тут, она искалечена, ну какие, к черту, амурные дела? Тем более – с подростком!

Но я никогда, вероятно, не смогу понять женщин – что же во мне их все-таки привлекает? Может, они чувствуют во мне убийцу и подсознательно тянутся к «плохому парню», как звериная самка старается приблизить к себе опасного самца – чтобы не загрыз, а еще – чтобы ее дети были самыми сильными и опасными в стае? Может быть. Это закон выживания, закон стаи. А что такое человеческое общество, как не разросшаяся до невероятного размера стая зверей?

Во-вторых, я не ходил на тренировки потому, что не хотел видеть тренера. И не из-за того, что он наговорил мне всех тех гадостей, что я выслушал в вагоне поезда. Они, эти упреки, были заслужены, и я это знал. Хотя себе говорил, что обижен, что он меня оскорбил, что я не заслужил таких слов!

Заслужил. Я умен, и тогда был умен, хотя мне было всего четырнадцать лет. Но я ведь тоже человек... наверное. Ничто человеческое мне не чуждо!

Ночевать уходил домой – если меня прогоняли. А если нет – спал на стульях, решительно отказываясь прилечь в сестринской. По-звериному чуял, чем может закончиться, и мне это казалось кошунством. Мать при смерти, а я? Как я посмею делать *это* рядом с ней?!

Ко мне приходили ребята из команды. Я никогда с ними особо не дружил – так, приятели, но все равно мне было приятно. Они притаскивали полные сумки всякой еды, яблоки, апельсины, а когда я пытался дать денег (у нас дома всегда лежали деньги, мама от меня ничего не прятала) – возмущались, говорили, что это от всего клуба, и чтобы я не беспокоился и скорее возвращался назад.

Я знал, что это Петрович. Он не приходил, но я всегда знал, что тренер где-то рядом, за спиной, прикрывает. И когда маму выписали домой и у нас появилась сиделка – пришел в клуб.

Тренер не удивился, он кивнул мне, будто ничего за это время не случилось и виделись мы только вчера, а потом позвал в кабинет, оставив за себя Вовку Карева из старшей группы, который нередко проводил тренировки вместо него.

Когда мы вошли в кабинет, сели друг напротив друга, Петрович долго молчал, глядя мне в глаза, стараясь поймать мой взгляд. Но я упорно не хотел на него смотреть, рассеянно

вглядываясь в старый линолеум рядом со стулом, потертый, серо-рыжий, проживший здесь не меньше десятка лет. Потом тренер бросил глухим, чужим, каким-то надтреснутым голосом:

– Будем жить?

– Будем жить... – кивнул я, помолчав, добавил: – Тренер, я найду их. Все равно найду.

– Может быть, – подумав, ответил Петрович. – Чего в жизни не бывает? Только одного прошу, сделай так, чтобы ты – был. Ты мне дорог. И не потому, что приносишь медали, не потому, что ты гениальный боксер. Это все преходяще, это шлак! Просто ты – это ты. Ты мне как сын. И я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось. И вот еще что – я сделал все, что мог. Если бы можно было найти – их бы нашли.

– Я найду! – упрямо повторил я и неожиданно для себя вдруг бросил: – Хочу пойти учиться на юридический. Пойду в менты.

– Почему нет? – не удивился Петрович. – Мама следователь... хмм... (он немного запнулся, прокашлялся), кем быть сыну? Боксерский век недолог, а юридическое образование ценится во все времена. Правда, я хотел предложить тебе пойти в физкультурный, но если ты решил в юридический – кто тебе помешает? Только не я. И не мама. Ты сам кузнец своего счастья, и никто не вправе тебе указать, как жить. Но я надеюсь, что ты изменишь свое решение, ведь у тебя еще три года, не правда ли? За это время мы с тобой такого шороха наделаем – небу станет жарко! Все медали – наши! Все чемпионства! А потом... потом Олимпийские игры! И я знаю – ты их выиграешь! Сто процентов! А потом уже делай что хочешь! Хорошо, сынок?

Я вскинул голову, посмотрел в грубоватое, с расплюснутым носом лицо Петровича, и у меня вдруг защипало глаза. Я уткнулся лицом в ладони, и у меня полились слезы – ручьем, жгучие, как кипяток.

Это был последний раз, когда я плакал. Даже когда убили Петровича и я смотрел, как его тело опускают в могилу, – не плакал. И не молился.

Ненавидел. Я ненавидел тварей, которые сделали ЭТО с мамой, с Петровичем, со мной. Все, что не убивает, делает нас сильнее? Чушь! Полная чушь! Я уже был сильным. Я был таким сильным, что миру не стоило меня заводить. Потому что ему придется убить меня, или убью его я! Мир, который создает этих тварей, – плохой мир. И его нужно чистить. Обязательно нужно чистить!

Я начал искать. Один, не боясь ничего. Сказать по правде – я ненормальный. И не потому, что мне нравится убивать Тварей, нет. Нормальный – чего-то боится. Я же не боялся ничего.

Нет, было кое-что, чего я боялся, – это того, что кто-то что-то сделает моей маме. Она не должна была больше испытать того ужаса, что пришелся на ее долю. В остальном – мне плевать на боль, плевать на темноту, на то, сколько передо мной противников. Я вел свое расследование и вел его так, как не могут его вести менты – настоящие менты, правильные менты. Я не говорю о тех, что подобны бандитам или маньякам – таким, как я. Правильный мент должен захватить преступника, а потом попытаться его расколоть, запутывая в показаниях, ловя на неточностях, давая данными экспертизы. Мент-бандит просто выколачивает показания – и не важно, виноват при этом подозреваемый или нет.

Мне всегда вспоминался фильм «Рожденная революцией», я помнил его почти наизусть. В этом фильме чекист спрашивает старого кадра, сыщика из «бывших» – как они допрашивали подозреваемых? Как добивались признания? И тот, интеллигентный, умный, знающий сыщик, говорит: «Мы сажали подозреваемого в комнату, я вызывал двух жандармов, и они начинали негодяя бить. И били, пока он не сознавался! Пока не рассказывал все, что знает о деле! И о других делах!»

Самое смешное, что методы полиции не изменились со времен Зубатова, начальника царской охранки, – это я узнал, уже учась на юридическом в МГУ. Преподаватель, который читал нам лекцию, так и сказал – «Со времен Зубатова».

Меня тогда это почему-то потрясло – как это так? Жандарм – и наше социалистическое общество! Как можно сравнивать?! Что он такое говорит?! Но препода говорил абсолютную правду, и чем больше я врезался в «гранит науки», тем больше понимал, что так все на самом деле и обстоит. Если хочешь искоренить преступность – действуй так, как действовала царская охранка – стукачи, предатели, внедренные агенты ну и... силовые методы, «недостойные звания советского милиционера».

Само собой – никто не отменял дедукции, никто не отменял тупого, тяжелого труда, когда опер обходит десятки, сотни адресов, выгапывая один, единственно нужный, но если у тебя нет агентуры, нет жесткости и даже жестокости – ничего ты не добьешься, будь ты хоть семи пядей во лбу. Это мне объяснил старый опер, с которым меня свела мама, моя вездесущая мама. Даже будучи едва живым инвалидом, она направляла меня, подталкивала по той дороге, которую я выбрал, не позволяя свалиться в канаву и набить шишек.

Но пока мне было лишь четырнадцать лет. И я, безумный, собирался найти и покарать тех, кто напал на майора милиции. Взрослую, сильную женщину, которая однажды в одиночку вырубил подозреваемого, напавшего на нее в кабинете. Вырубил так, что его едва откачали врачи «Скорой помощи», поглядывавшие на мою маму с таким выражением, будто перед ними сидела не сорокалетняя, не очень-то и могучая женщина, а какой-то монстр, изувер, пытающий всех, кто попадает в его окровавленные руки. Это мама рассказала – смеялась, когда рассказывала. И мне было смешно. А потом, когда это подтвердил бывший опер дядя Андрей, да со всеми подробностями, – у меня мороз побежал по коже. Тот тип душил маму, и чуть ее не задушил – она успела схватить пресс-папье, и если бы не оно... сейчас я бы жил уже в детском доме.

Я не знал, где искать злодеев. Но знал, что мне нужно их найти. И узнать все, что я хочу знать.

Итак, как найти злодеев? Проще всего сделать так, чтобы они тебя сами нашли – это очевидно настолько, что ясно даже школьнику, весь мир которого сосредоточился на маме, секции бокса и школе. Именно в таком порядке.

А чтобы узнать о преступниках и преступлениях как можно больше, что надо? Почитать книжки, само собой!

Книжек у мамы хватало. Следователь без юридической литературы – как плотник без молотка. Целый шкаф специфической литературы, которую еще и не во всех библиотеках найдешь. Начиная с римского права и заканчивая комментариями к Уголовному кодексу. Все это я изучил и как мог осмыслил – за месяц – у постели мамы в больнице, дома, в каждую свободную минуту. Не просто прочитал – запомнил. Моя ненормальная голова не забывала ничего. Совсем ничего.

За ними настал черед детективных романов – всех, что я мог достать. Всех, что были дома, всех, что мне выдали в библиотеке. На них ушло недели две. Я просматривал романы, интересуясь не сюжетом, а хитросплетениями конкретных преступлений. Зачем мне «сахарные сопли» о страданиях героев, когда нужна всего лишь выжимка, соль романа – схема преступления и возможные действия преступника в соотношении с преследующим его сыщиком!

Как оказалось, дельных детективных романов было не так уж и много. Все больше политизированная чушь, извлечь что-то ценное из которой было довольно трудно. Но были и дельные книги, из которых я узнал многое о психологии преступников, об их образе жизни, о том, как и где их можно найти. И о методах работы милиции. Та же «Рожденная революцией» мне очень недурно помогла. Она вышла как раз в 1974 году, и я не отрываясь смотрел, как экранные милиционеры борются с преступностью. Правильные милиционеры.

В общем, я начал свою Чистку, когда мне было четырнадцать с половиной лет. Дитя, в самом деле. Умный, но... глупый. Сейчас вспоминаю, как бродил по улицам, в надежде наткнуться на негодяев, и невольная улыбка раздвигает мои губы. Мне казалось, что, только

лишь я выйду на улицы города в крошечную тьму, так сразу на меня набросятся кучи злодеев, которых тут же повергну наземь, и начну... ну что начну? Допрашивать, само собой!

Это потом я стал работать тоньше, досконально изучив такую науку, как виктимология, науку о жертвах.

Как сделать, чтобы преступник на тебя напал? Чтобы совершил преступление? Как его спровоцировать? Все это и рассматривает виктимология, в общем-то, не очень уж и сложная наука.

Например – если девушка, одевшись максимально смело (микроюбка, чулки, просвечивающие сквозь кофточку груди), идет в парк с группой молодых людей, распивает с ними спиртные напитки – что может произойти с ней дальше, с максимальной вероятностью события? Нет, ее не похитят инопланетяне. И ей не дадут медаль «За подвиг на пожаре». Ее нормально завалят и отымеют всей группой, потому что будут считать, что ради того она сюда и пришла. Ради того пила, курила и позволяла хватать себя за сиськи.

Или, например, мужчина, напившись пьян, достает пачку денег прямо там, в пивнушке, на глазах у многочисленных зрителей, а потом шатаясь уходит в ночь – что будет с ним дальше? Точно – его нагонит не влюбленная девушка и не старушка, мечтающая пожелать этому гражданину доброй ночи и счастливого утра.

Почему я в первые дни и недели своих ночных патрулей не мог найти того, кто пожелает на меня напасть? Почему ни один преступник не заинтересовался моей одинокой фигурой? Я понял это не сразу. А когда понял – все стало на свои места. Виктимология, однако!

Какой идиот пойдет на высокого, спортивного парня в спортивной же куртке, который выглядит одновременно как Аллен Делон и Гойко Митич?

Кому охота наскокивать на чувака, который или морду разобьет, или сбежит, унося с собой мифическое богатство?

У таких «гойко» в кармане обычно максимум мятая трешка, за которую они будут биться, будто защищают «злой город» Козельск от Батыева войска!

Вот если бы я был девчонкой в короткой юбочке либо подвыпившим мужиком с толстым портфелем – тогда да! А так... одно лишь пустое времяпровождение. Холодно, неудобно и скучно.

Кстати сказать – сложнее всего было объяснить маме – зачем это я брожу по улице темными вечерами. Не стоило надеяться, что она не услышит, как я выхожу из дома. Пришлось сказать, что бегаю ночью, перед сном, что иначе не усну – весь на нервах, весь на переживаниях. Глупое объяснение, да, но какое еще я мог придумать? Сказать, что иду искать негодяев, искалечивших ее, сделавших инвалидом?

Или что – сказать, мол, иду на свидание к девушке?

Конечно, мама не поверила. Когда приходил, она тихо выходила навстречу, принимавшаяся – вдруг я попал в дурную компанию, курю, выпиваю или... еще чего хуже! Но я не пил – вообще. И не курил – курящий спортсмен – это урна с бычками, как сказал некогда Петрович. Боксер без «дыхалки» – не боксер. Курение не добавляет «дыхалки», точно!

Меня не брал алкоголь, от него я буквально едва не напускал в штаны (от крепкого и когда много выпито) – пробовал, в студенческое время, чисто ради эксперимента, уже зная о своей – дурацкой, надо сказать – особенности организма.

Почему дурацкой? Ну, только представить – компания, все выпивают – Новый год там либо день рождения, а я после нескольких бокалов шампанского либо после нескольких рюмок коньяка бегу в сортир! А у самого «ни в одном глазу», хоть ты тресни! Даже обидно!

Вообще – неприятно сидеть трезвым в пьющей компании. Когда ты такой, как все, когда подвыпил – окружающие кажутся вполне нормальными, шутки – веселыми, женщины – красивыми, а мир добрым и хорошим. Пока не наступило похмелье, само собой. А если ты трезв и вокруг все пьяны?

О боже мой... если бы люди видели себя, выпившего несколько рюмок водки! Если бы они хоть раз оказались в компании *этого* себя, посмотрели на происходящее со стороны! Пошлые, тупые, несмешные шутки, пьяные, потные женщины, с размазанной тушью и помятыми юбками, громогласные парни, вдруг возомнившие себя неотразимыми мачо и одновременно Жванецкими!

И тут я – такой весь правильный, такой трезвый, непьющий, «мать его за ногу»!

Приходилось изображать из себя подвыпившего, незаметно выливая алкоголь, либо бегать в сортир, чтобы избавиться от токсинов – что не прибавляло уважения у честной компании.

Впрочем, скоро я научился бороться с этой всей напастью. Все просто. Нужно твердо сказать – не пью, и все тут! Не нравится? Значит, пошли вы все!.. Но это уже было потом. Когда понял.

В общем, мама от меня отстала. Ну, бродит по вечерам и пусть себе бродит! Может, и правда с девочкой какой встречается? Она все лелеяла мечту меня оженить – позже, конечно, но тренироваться-то надо? Разработать мышцы, так сказать!

Помню, как впервые выловил у себя из кармана пачку презервативов – я ржал, аж слезы потекли! Мама, милая мама! Она и тут все продумала до мелочей!

Кстати сказать, после этого все пошло как по маслу – надо было просто надорвать пачку и выкинуть один презерватив. Вроде как пустил в дело. И тогда мамина душенька довольна – не просто так ходил, а по поводу! «Сынок-то повзрослел! Мужчина!»

Только вот изредка вставляла прозрачные намеки, мол: «...и почему это к нам никто не ходит... пригласил бы кого-нибудь... чего там, под дождем-то тискаться! Я, ежели чего, – отвернусь и уши заткну!» Меня разбирал истерический смех, я еле сдерживался, чтобы не расхохотаться, и останавливала только одна мысль – о том, что не выдержу и сдам себя с потрохами.

Нет уж, не надо маме знать! Ни к чему это. Мамы должны узнавать о плохом в последнюю очередь. Или вообще не знать. Лучше – никогда.

В общем, когда мои потуги вызвать на себя огонь потерпели фиаско, я решил перейти к более активным действиям, не ждать, когда на меня нападут, нападать сам. На кого?

А вот тут вопрос интересный. Я снова начал видеть «зеленых», так я их называл. Вначале нечетко, а потом – все ясней и ясней. Это потом я начал называть этих гадов «тварями» и «рептилоидами», ведь в то время о рептилоидах понятия никакого не имели, хотя ходили рядом с ними, жили с ними и даже спали в одной постели.

Твари ничем не отличались от других людей, кроме двух важных особенностей. Первая – то самое зеленое свечение, иногда яркое, иногда тусклое, совсем тусклое – будто в центре лба у человека мерцало зеленое, пульсирующее пятно.

Но были такие, что просто светились как фонари! О них едва не били протуберанцы, как от солнца в периоды его активности!

Что это было за свечение, что я вижу – не знаю. Аура, так называют что-то подобное. Но почему тогда не вижу ауру нормальных людей? Животных? Растений? Ведь аурой обладают и они! Нет, я вижу ауру только Тварей. Зато ясно, четко, даже за несколько километров от себя. Когда Тварь с яркой аурой далеко, за пределами видимости, вижу эту Тварь чем-то иным, не глазами. Каким-то участком моего странного мозга, передающего картинку – зеленую точку, пылающую за горизонтом, яркий маленький костер дикарей-каннибалов, на котором жарят неудачливого путешественника или миссионера.

И еще интереснее – я вижу Тварей по телевизору! Тогда существовали только черно-белые телевизоры, но если Тварь была крупной, созревшей – той самой, с протуберанцами, – то чтобы увидеть ее суть, особых усилий прилагать не приходилось. Достаточно одного взгляда.

Серое облако-свечение вокруг человека – вот как я видел картину с экрана телевизора.

Иногда мне казалось, что это самое облако складывается в дьявольскую морду – с рогами, со всеми причитающимися бесу причиндалами. Только тогда я был совершеннейшим атеистом (по-другому и быть не могло – советский школьник борется с поповским мракобесием!), потому мысли об одержимости бесами отбрасывал сразу же, после появления в моем светлом атеистическом мозгу этой крамольной мысли.

Но это уже потом. Тогда, когда я начал Чистку, я видел не так четко и не всегда. Только самых сильных Тварей, в полной их «половой зрелости» и боевой готовности.

Глава 2

Итак, что я имею? Опыт двух недель бестолковой, пустой беготни по городу.

Что мне нужно? Найти тех, кто мог бы на меня напасть, если бы я был виктимной жертвой.

Как найти? Само собой, воспользовавшись моим умением видеть то, чего никто не видит!

Зеленое свечение – вот ключ ко всему! Я это знал, чувствовал так же ясно, как чувствую холод и тепло, кислое и сладкое, горькое и соленое. Я ЗНАЛ, что эти, с зеленым свечением, есть центральные фигуры в мире криминала.

Впрочем, для этого не надо было быть вундеркиндом – просто сложить два и два.

Во-первых, когда меня преследовали в школе, во главе всего заговора стоял мальчишка с зеленым свечением, среди *тех*, избитых мной, – тоже был парень из «зеленых». Когда я ходил по городу в поисках приключений на свою мускулистую задницу, не раз видел стайки парней криминального вида, и в центре всегда был парень с ярким зеленым свечением! Организаторы, идейные вдохновители всего темного, гадкого – вот кто эти «зеленые»!

Где «зеленый» – там и беда. Где «зеленый» – там вся шпана и преступники, разного возраста, разного ранга преступной иерархии. Так что искать следует «зеленых»! Все просто!

Угу, просто. Стоит только устроить свару возле пивнушки, либо у шинка – тут же и менты налетят. Повяжут, а потом маме отдуваться. И все мое расследование накроется медным тазом. Мама тут же все поймет.

Но все оказалось просто. Я сам удивился – как просто! Хотите выманить человека в пустынное место? Хотите, чтобы он за вами пошел – сам, без принуждения, горя желанием? Подойдите к нему и скажите: «Ты, козел!..»

А потом харкните ему в лицо. И бегите! Как можно быстрее бегите! Но так, чтобы он не отстал – некоторые люди бегают не очень хорошо и не посещают тренировки. Опять же – курение, алкоголь и наркотики не способствуют хорошей физической форме!

Их было четверо. Во главе – довольно крупный парень с меня ростом, но гораздо шире в плечах. И в животе. Когда я харкнул ему в лицо, он вначале просто удивился, вытаращился на меня так, будто увидел Змея Горыныча и Конька-Горбунка одновременно. И я его понимаю! Стоишь себе, такой весь авторитетный, рассказываешь корешам, как зону топтал, какие на ней правильные порядки, какие там замечательные пацаны и как ты среди этих пацанов ма́зу держал, и тут вдруг подходит лох педальный и плюет тебе в рожу!

Первая мысль – этого не может быть!

Вторая – кто такой?! Может, кто-то прислал, от Больших?

И только третья – ах, ссука! Ну, держись, внатури!

Когда подбежали ко мне – запыхались, будто бегали с мешком цемента на плече, и не меньше, чем километра три, бодрой рысью без остановки.

Я же – свежий, как после душа. Даже не вспотел. Тренировки, а еще – мой организм, непонятно за что мне данный судьбой. Ну не устаю я так, как обычные люди – бывало, после тренировки все скрипят, стонут, валятся с ног, а мне еще столько тренировки и еще два раза по столько – и хоть бы хны! Ненормально, да, но такой уж уродился!

– Ты чо...

Вот что у них за привычка такая? Скольких я уже отоварил, и девяносто процентов из них начинали с «Ты чо?!..»! Зачем говорить? Зачем вонять из своей поганой пасти? Просто врежь, да так, чтобы наверняка завалить, и не надо слов!

Помню анекдот такой: «Выходит мужик на крыльцо, видит, а на плетне черт сидит. И грозно так спрашивает мужика: «Ты чо?!»

Музик подумал и отвечает: «А ты чо?!» Черт тоже задумался и грустно говорит: «И правда – чо это я?»

Так вот, когда я в очередной раз слышал этот вопрос, тут же вспоминался анекдот, и мне хотелось хихикнуть. Как и сейчас, когда я его вспомнил впервые.

– Чо лыбу-то давишь, козел?! – Разъяренный «зеленый» шагнул вперед, намереваясь сцапать меня за отвороты куртки, и тут же нарвался на мощнейший, нокаутирующий прямой правой. Рухнул во весь рост, не издав ни звука.

Остальные трое полегли точно так же – они пытались размахивать руками, ногами, один изобразил что-то вроде новомодного карате, беспомощно, тупо изображая некий прием, который, вероятно, должен был сразить меня наповал. Никто не сумел даже дотронуться. Жалкие, медлительные, как слизняки на лесной тропинке! Нажми каблуком – и брызнули гады, расплескав свою вонючую жижу!

Добро я или Зло?

Наверное – бить людей плохо. Но если я бью – плохих? Тех, кто обижают хороших? Кто тогда я?

Разве Добро не должно быть с кулаками? Или это положено только Злу?

Кто поставил людей в неравное положение? Кто решил, что Добро должно подставлять щеку торжествующему Злу? Зачем Он это сделал?

Я не согласен. Я категорически не согласен! Бунт!

Потом я их бил. Методично, по одному, стараясь не выключить сознание навсегда. Не знаю, выжили они после той экзекуции или нет. Мне и сейчас это неинтересно. А тогда было неинтересно вдвойне. Я переломал им кости, наверное – отбил внутренности. Но сразу не убил. Тогда я еще не убивал.

Они ничего не знали об избиении моей матери, совсем ничего. Бормотали что-то свое, сдавали какие-то преступления, но я не вслушивался. На кой черт мне их дурацкие грешки, когда мне важнее другое! Совсем другое!

И опять – то ощущение наслаждения, покоя, обновления организма – в тот момент, когда борова-«зеленого»... Захватывающее ощущение! Потрясающее! Остановился уже в последний момент, когда негодяй выглядел уже отбивной, а не человеком.

Да, тогда я еще не был готов убивать!

После этой акции я на всякий случай затих. «Залег на дно». Неделю выходил просто так – гулял, дышал воздухом, но ничего не предпринимал. Отдыхал. И самое смешное, что именно тогда, когда я не искал шпану, – они сами меня нашли. Докопались.

Через три дня после прошлого избиения, прямо у нас во дворе...

Что стукнуло им в голову, почему они не знали меня, я тогда, честно сказать, удивился. Когда проходил мимо детской площадки, в спину мне прилетела пустая бутылка – просто так, ни за что. Просто потому, что захотелось – идет какой-то придурок, чистенький весь, маменькин сынок, надо же его достать! Унизить, вытереть об него ноги – и только так возвысишься, а как еще иначе-то?

Здоровый парень, «старик», как говорили тогда. Он смотрел на меня лениво, без испуга, крепкий, плечистый, и не было в нем ни капли «зелени». Только «зеленый змий», а еще ущербная, униженная душа, о которую вытерли ноги десятки, а может, и сотни людей. Ведь, наверное, только так можно стать одержимым бесами, не будучи на самом деле «одержимым»?

Один из компании меня знал – Митяй, с третьего подъезда. Он предупредительно хлопнул приятеля по плечу и вполголоса бросил, нарочито растягивая гласные, как завзятый бла-тарь:

– Коля-ан, внаатури... это тот чемпиоон... из этого дома! Кончай до него докапывацца... уроеет! Знаешь, какой он боорзый? Просто вглушняк!

– Он меня – уроет?! Борзый?! – Парень встал, и, когда полностью распрямился, оказалось – он выше меня на полголовы – крепкий, спортивный. Из-под рубашки выглядывал тельник.

Не из блатных, точно – мелькнула мысль – и двигается как боец, как на шарнирах парень – скорее всего, что-то из единоборств. Боевое самбо или наподобие.

– Ты меня уроешь, да? – лениво спросил «тельник», демонстративно разминая ладони, и я понял – он меня знает! И все это затеяно нарочно, чтобы спровоцировать на драку!

Зачем? Да кто ж знает? Вероятно, это вроде того, как если надеть камуфляж и пойти туда, где тусуется шпана. Тут же нарвешься на неприятности: *«Ты чо, крутой, в натуре? Небось, десантник, да? А давай проверим!»* Вот и здесь было что-то такое, из той же поганой пьесы.

Он встал в стойку – нечто среднее между боксерской и борцовской – руки на уровне груди, полусогнуты – можно ударить, а можно захватить. Ноги правильно – левая чуть вперед, слегка согнута, стоит не прямо, а чуть боком, чтобы не сломали. Так ставят ноги опытные бойцы. У боксеров обычно другое – они за ноги не боятся, удары ниже пояса, пинки – дисквалификация.

Но было у меня перед любым поклонником восточных единоборств и даже перед теми, кто прошел обучение в спецвойсках, огромное преимущество. И не знают об этом только болваны вроде этого «десантника», разыгрывающего передо мной последний акт спектакля (ясное дело – спектакль, даже «типа шепот другана» – все рассчитано на широкую аудиторию в узком кругу). Какое преимущество? Самое главное. Я умел наносить удары в полную силу и умел держать удар.

Все эти спортивно-прикладные единоборства – балет. Самый настоящий балет, не имеющий ни малейшего отношения к реальности. Чтобы на самом деле чего-то добиться в этом деле, нужно заниматься годы и годы, но даже после того на пути может попасться некий уличный боец или боксер, который буквально втопчет тебя в грязь.

Каратист, кунгфуист, ушуист – да чего только не повылезло в наше время! Нахватавшись верхов, аферисты всех мастей, «сенсеи»! И безразлично, как эти балеруны себя называют – все они практикуют бесконтактный бой, когда рука или нога останавливается перед лицом противника, не доводя дело до победного конца. И тогда в реальном бою мозг, который привык тормозить удар в сантиметре от цели, автоматически проделывает то же самое.

Это, кстати, нам рассказал Петрович, которого мы однажды вконец достали своими глупыми вопросами по поводу: *«Какой боец сильнее – боксер или каратист?!»* Середина восьмидесятых, начали появляться секции единоборств, в дальнейшем по глупости, по недомыслию запрещенные советской властью – вместо того чтобы взять их под контроль.

Чем помешал им этот «балет», когда те же боксеры гораздо сильнее и опаснее доморощенных «каратек» или поклонников совсем уж экзотического айкидо? Тогда бы, по логике, следовало запретить и боксеров, самих по себе являющихся мощным оружием, не хуже крупнокалиберного пистолета или дробовика!

Он напал неожиданно, без предупреждения. Удар ногой в колено, потом крюк правой – размашистый, хлесткий, способный снести башку любому, даже подготовленному бойцу. Явно – связка отработана до совершенства. И беспроявительна – на его взгляд.

Конечно, ни в какое колено он не попал – Петрович еще в самом начале моей карьеры боксера учил – ноги чуть согнуты, никогда не ставь их так, чтобы можно было сломать ударом. *«Жизнь – штука сложная, и тебе может пригодиться моя наука – помни, сломали ногу – ты труп. Потому что боец это наполовину – ноги. По тому, как он их ставит, – можно понять, готовится ли к удару. Если ноги неловки – противник достанет и сокрушит. Если ставишь ноги неверно – равновесие нарушено, а значит, ты и удара дельного не нанесешь, и сам равновесие не удержишь. Ну а если кто-то ударит тебе в колено – считай, пропал. Боксер без ноги – инвалид без коляски! Ползи и надейся, что пощадят!»*

Я хорошо запомнил науку тренера. И когда удар тяжелого берца сотряс мою ногу – он всего лишь чуть согнул ее в колене, угодив сбоку, а не в коленную чашечку – куда и было задумано.

Подлю. Гадко. Чтобы искалечить. Ведь я ему ничего не сделал! Я всего лишь мальчик из благополучной семьи, спортсмен, отличник, не пьющий и не курящий – ну как это может вызвать такую шипучую ко мне злобу? Ненависть, достойную самого худшего из подлецов мира?

ЧТО я ему сделал, чтобы он решил сломать мою жизнь? Походя, ради самоутверждения, ради пьяной компании, радостным гоготом встретившей триумфальное наступление неформального вожака!

Нет, я не разозлился. В бою я всегда холоден как лед – тоже одно из моих странных свойств. Я не дурею от ярости, не начинаю ненавидеть противника. Практично и незамысловато – есть противник, его надо уложить. Вот и все. Только один раз я потерял над собой контроль – в тот день, когда узнал о нападении на мать. Но после этого дня всегда – робот. Холодный, бездушный... опасный.

Первым ударом я сломал ему нос. Это хорошо отрезвляет горячие головы, а кроме того, затрудняет дыхание. Боль от перелома носовых хрящей такова, что иные, случается, теряют сознание.

Но только не этот парень. Он и правда был крепким орешком. То ли обкуренный, то ли налитый выше бровей дешевым алкоголем и тупой злобой – «десантник» будто не заметил хлещущих из расплющенного носа горячих струй, не услышал мерзкого хруста, сопроводившего мой удачный «панч».

Я легко уходил от размашистых, с потугой на умение ударов безнадежно проигрывавшего бой «десантника» и молотил, молотил, молотил – как в грушу, без особых усилий, без ярости и... не в полную силу. А зачем в полную? Зачем нокаутировать? Вы хотели зрелищ? Получите и распишитесь. Вот вам зрелище! Вот вам гладиаторы! Вот вам кровушка – вы ее хотели напиться? Вы хотели насладиться унижением? Болью? Так вот она вам боль, смотрите! Наслаждайтесь!

Ни одного удара, который мог бы выключить сознание. Ни одного смертельного удара. Только кровавые, разрывающие кожу, плющащие мясо, отбивающие внутренние органы – незаметные, быстрые, как молния – «крюки», «кроссы», «апперкоты», «свинги», «хуки», «оверхенды» и «боло-панчи» – все, чему меня учили больше шести лет, все, что я впитал, как впитывает воду сухой песок пустыни!

Глупый парень... если определять мой уровень по категориям восточных единоборств, то я был где-то на уровне второго дана, или по союзным меркам – мастер спорта международного класса. Так сказал Петрович, а я ему верил больше, чем самому себе. Если сказал – значит, так оно и есть.

А кто такой этот «десантник»? Парнишка, сходявший в армию и нахватавшийся «боевых искусств» – по верхам, для парадов и праздников День десантника, когда brave ребята ломают хрупкие доски и на плацу изображают бой, достойный Евпатия Коловрата. Балет, однако! Балеруны!

Но он все еще стоял на ногах – пошатываясь, пытаясь вяло парировать мои жалящие удары – под гробовое молчание «свиты», как-то сразу притихшей, опечалившейся, понявшей свое место в этом мире.

А потом произошло совсем уже дурное. Парень взревел, сунул руку вниз, к ноге (я так и не понял, где он там у него был!), и в руке его блеснул нож – здоровенный, странной формы – с расширяющимся к концу клинком и пилообразной вогнутой серединой.

Я никогда раньше не видел таких ножей. Через несколько лет я описал этот нож знающему человеку, даже нарисовал его (благо память у меня абсолютная, а рисую я довольно

неплохо), и мне тут же было сказано, что это нож десантника, «стропорез». Его использовали, чтобы освободиться во время падения от опутавших парашютиста строп, или с той же целью на земле, чтобы быстрее вступить в бой. И что эти ножи были и боевыми – десантники затачивали до бритвенной остроты режущую кромку возле острия, и тогда можно было наносить колющие, рваные и резаные раны. Когда я поинтересовался, откуда же у хулигана мог взяться номерной боевой нож – инструктор не удивился и доступно пояснил, что этот нож, как и многое другое, мог запросто попасть на рынок оружия от черного копателя, который достал клинок на местах боев ВОВ. Как и множество другого военного барахла, оставшегося там, где оно оказалось в далекие военные годы. Обычное явление, ничего особого и удивительного.

В общем, «десантник» поступил «не по-пацански». И тогда я этого «десантника»... нет, не убил. Случайно не убил. Они там выпивали, закусывали. Вся эта пакость попадала на пол – огрызки, окурки... шкурка от сала. Вот на ней я и поскользнулся.

Нож пропорол рукав почти новой спортивной куртки (Импортной, между прочим! Со спецсклада, только для чемпионов!), пропорол кожу, оставив на ней длинный, рваный разрез, не задев мышцы предплечья, а потом выпал из ослабевшей руки хозяина, челюсть которого была сломана в трех местах.

Челюсть вообще очень хрупка. Если с достаточной силой и в нужный момент ударить в определенное место нижней челюсти – она сломается, будто сделана из стекла.

И потом начнется мучение. Есть твердое нельзя – только пить. Через трубочку – соки, бульоны, кашичу. Человек теряет в весе, делается похожим на скелет – хорошая диета для тех, кто хочет похудеть!

Меня эта участь миновала, но я видел ребят, неудачно подставившихся под тяжелый удар. Неприятно. Очень неприятно! И очень больно.

Но страшнее всего – удар голым кулаком. Для того и существуют тяжелые, «мягкие» боксерские перчатки, чтобы сохранять наши хрупкие, «стеклянные» головы. Ну и наши не очень крепкие тела, и это само собой. Голый кулак страшен – площадь удара меньше в разы, а рука, привыкшая бить как молот, этим молотом в конце концов и становится.

Конечно, когда бьешь без перчатки, существует опасность сломать кости запястья, даже предплечья – обычно их защищает бинт и мягкий наполнитель, но есть некая физическая закономерность: ломается тот, по кому бьют, а не тот, кто бьет. Это как с пасхальными яйцами – успел стукнуть по чужому яйцу первым – значит, выиграл.

Итак, проигравший лежал на заплеванном полу, чудом не убитый ударом кулака (Свиная шкурка! Спасибо шкурке! Иначе бы я просто так не отделался), а его свита замерла, вытаращив глаза, застыв как соляные столбы.

И напрасно замерли! Бежать надо было! Задолго до этого момента – бежать!

Вся неутоленная злость, досада человека, которого только что едва не зарезали ножом, перенеслась на них. Были вместе? Участвовали в спектакле?! Так получите!

Сколько было? Пять? Десять человек? Ерунда! Алкашня поганая!

Я бил в полную силу, выключая одним ударом, не разбирая, кто передо мной стоит. Тех двух, что убежали, – догонять не стал. Остальные затихли на земле – рядом со своим, превращенным в котлету «героем».

Ну, тут, конечно, появилась милиция – вызвали бдительные соседи, которые с интересом и давно наблюдали за происходящим на площадке. Похоже, что вызвали уже в самом конце, когда я добивал всю честную компанию.

Сирены ментов, сирена «Скорой помощи», суета, люди, выглядывающие из окон, и я – «клен заледенелый» – спокойный, безмятежный, как если бы ничего особенного и не случилось.

Мне обработали рваную рану, которая перестала кровоточить через минуту после того, как появилась на руке. Перевязали.

Дежурный следователь вместе с дежурным опером (какие-то помятые, злые, видать, подняли с дивана – спали?) осмотрели место происшествия, переписали всех участников, свидетелей. Тех алкашей, что очнулись после ватки с нашатырным спиртом, погрузили в милицкий «уазик». Тех, кто так и не очнулся – увезли следом за зачинщиком драки, у которого едва угадывались признаки жизни.

Потом он оказался в реанимации – переломы, гематомы, ушибы внутренних органов – все, как после попадания под тяжелый грузовик. Нет – а чего еще он должен был ожидать? Тот, кто напал на Мастера – уже проиграл! Только потому, что напал!

Несмотря на мой юный возраст – я Мастер, а не шелупонь подзаборная, как его дружки!

Как потом выяснилось – этот кадр действительно служил где-то то в десантных войсках, в некоей элитной части – по крайней мере, с его слов. Кое-что он и правда умел, но, видать, не был так уж уверен в своих силах, потому и таскал с собой нож, пристегнув его на голень, – даже специальный разрез для того сделал, чтобы быстрее выхватывать. То есть готовился к драке. К преступлению. (Это гирька на весах в мою пользу.)

Местные придурки его накрутили – мол, «есть такой пацанчик, никого не уважает, типа весь такой из себя боксер-чемпион, на всех кладет с прибором, надо бы поучить, а кому, как не тебе?». Оказалось, что один из тех, кого я вырубил еще шесть лет назад возле школы, – какая-то родня придурка, подзуживавшего десантника меня «поучить».

В общем – новые дрожжи легли на старую брагу. Закипело. Спектакль был задуман, написан, роли распределены, но вот только финал вышел не таким, как хотелось режиссерам. Повезло только тем, кто убежал, – остальные получили либо сотрясение мозга, либо переломы различной степени тяжести.

Как сказал дежурный опер, ухмыляясь во всю физиономию: *«Ты, парень, на мелочи не размениваешься – если бить, так из пушек главного калибра!»*

Вся эта алкашеская компания пыталась соорудить против меня обвинение в нанесении побоев, но моя мама подключила хорошего адвоката, и он вмиг разнес злобные планы этой синей орды.

Все алкаши были совершеннолетними, а я – нет.

Первым удар нанес десантник, а я лишь защищался.

У него был нож – у меня нет.

Более того, когда обнаружился заговор, положение гоп-компании стало совсем уж печальным. Тогда еще не было понятия ОПГ, просто хулиганская банда. И вот эту банду – всю, скопом – привлекли вначале по «бакланке» – так называли статью УК, по которой карали за «хулиганство». А потом и по другим статьям, в том числе и более тяжким. У этих придурков нашлись и ножи, и кастеты, то есть самое что ни на есть холодное оружие. К тому же часть из них были под следствием и на «условке».

Самым «чистым» из них оказался, как ни странно, тот самый десантник. Но и он загремел по статье за ношение холодного оружия. «Стропорез» – боевой нож, это не «лисичка» и не кухонный тесак. За него сразу на кичу. Времена строгие, не забалуешь.

Я выглядел в глазах народа героем – молодой парень, считай мальчик, обезвредил целую банду хулиганов и был при этом даже ранен! Чемпион! Отличник! Гордость школы и общества «Динамо»! Гордость города! Гордость страны!

Мама сияла, а меня едва не трясло – вдруг кто-то из тех, кого я измордовал до полусмерти в парке, узнает во мне своего палача? Вдруг завтра на моих руках защелкнутся наручники?! Тогда все. Никаких тебе университетов – юристом мне уже не быть, в ментовку не попасть, даже адвокатом стать – и то под вопросом. Преступник не должен и близко подходить к правоохранительным органам – если только он не в стальных браслетах. Когда биографию человека просматривают перед приемом в МВД, на его прошлом не должно быть ни одного темного пятна.

Так было в семидесятые. Так было в восьмидесятые – до тех пор пока вместо Союза не образовался анклав жалких огрызков, пожираемых изнутри червями-олигархами, присосавшимися к сладкому государственному пирогу. После развала Союза в милиции оказалось столько «грязной пены», что я диву давался – как вообще милиция умудряется кого-то ловить, если ее сотрудники больше заняты личным обогащением, чем поимкой злодеев?

Впрочем, во все времена в полиции, а потом в милиции были те, кто на самом деле добросовестно работал, а не просто использовал милицейскую форму для совершения своих грязных коммерческих операций. Ну да, все не без греха, но все-таки большее число сотрудников хоть и со скрипом, но делало свое дело. По инерции или от безысходности (*Ведь должен же кто-то ловить негодяев! Иначе всех разгонят!*), но они работали.

Но до милиционеров семидесятых им было ой как далеко. Бывшие студенты, бывшие вояки, сокращенные из разваленной армии, бывшие... бывшие... бывшие... и все на хлебные места – обирать ларечников, стричь бабло на асфальте, «торгуя полосатой палочкой», контролируя все, что могли контролировать. Все, что оставили им многочисленные, мощные, хорошо вооруженные, обладающие беспредельным финансовым ресурсом всевозможные ОПГ.

Но все впереди. А пока – старые, добрые времена застоя, о которых все теперь вспоминают как о рае небесном, где в качестве божества «Дорогой Леонид Ильич!» – при жизни не ценимый, а через двадцать-тридцать лет любимый и незабвенный генсек, при котором все было тихо и мирно. Если, конечно, забыть про «Афган», через горнило которого прошли тысячи будущих ментов и бандитов.

А потом божество сменилось – на его место встал новый идол.

А за ним еще один.

Менялись божества, но в стране ничего не менялось, пока место «фараона» не занял тот, кому суждено было прогадать всю великую советскую империю.

Но я не интересовался политикой. Мне было плевать на генсеков, и все, что меня интересовало в этой ситуации, – незапятнанность моей биографии. Я был умным мальчиком, очень умным – не мои слова, слова моего адвоката, Моисея Абрамыча Фирсмана. Замечательного, порядочного, умного человека – хитрого, ушлого, пронырливого, настоящего адвоката, способного работать даже в условиях советского суда, «самого справедливого в мире», выдающего приговоры по телефонному звонку.

Помню, как он мне сказал, усмехаясь, как Чеширский кот:

– Толя, деточка, ну что ты таки волнуешься?! Ты пай-мальчик, герой, тебя никто не накажет! Наоборот – я вибью из этих шлимазлов в погонах подарок такому замечательному герою, спасшему город от злых супостатов! Грамоту вибью! Ты будешь потрясать этой грамотой, как волшебным мечом, когда въедешь в Эмгэу на белой лошади! Тебе будут открыты все двери в этой шлимазловской организации, поверь мне! Никто сейчас не посмеет возбудить на тебя дело!

Моисей Абрамыч и не догадывался о настоящей причине моего беспокойства. Да, в парке было темно, да, прежде чем мордовать «зеленого» и его друзей, я переоделся, надел вязаную шапочку, измазал лицо грязью (потом пришлось умываться из лужи), но кто знает, может, они меня разглядели? Вдруг у кого-то из тех, кто остался лежать в парке, такая же память, как у меня? «Фотографическая»?

Но все обошлось. И я в который раз похвалил себя за ту предусмотрительность, с какой выходил на Чистку.

В дальнейшем я никогда не пренебрегал вопросами безопасности. «Береженого бог бережет, а не береженого конвой стережет» – чеканная истина, для России – всегда актуальна.

Мне правда выдали грамоту и фотоаппарат «Зенит» (он так и пылится где-то на полке), а еще – пожали руку и пожелали, чтобы я, когда вырасту (тут генерал запнулся, глядя на меня снизу вверх), пополнил ряды... и все такое прочее.

Я улыбался, позировал, снова улыбался и снова позировал – радость мамы, гордость наставников, модель для фотокорреспондентов – звезда, да и только!

Только мне все это было скучно. До чертиков скучно. Тупые игры, занимающие время. Лучше бы я потренировался. Или поискал в библиотеке юридическую литературу и детективы. Одержимость? Ну... да. И что? Я такой, какой есть.

В публичности свои, просто-таки огромные проблемы. В школе шепчутся и показывают на тебя пальцем, девчонки подбрасывают записки, типа: «Ты мне нравишься, давай встретимся...»

Пацаны восхищенно или ненавистно смотрят, и все без исключения тебе завидуют. У подъезда ненароком прогуливаются девочки, которые раньше тебя считали полным ничтожеством, никчемным ботаном, недостойным внимания «царицы». А тебе этого ничего не нужно. Тебе нужно, чтобы все забыли, чтобы отстали, чтобы из памяти выветрились моя фигура и мое лицо. И способ только один – исчезнуть с горизонта на неопределенное время. И общество «Динамо» мне в помощь.

Мы уехали на сборы, потом на соревнования в Саратов. Прошло время, и про меня потихоньку забыли. Хватило всего полутора месяцев – я же не телезвезда и не герой популярного фильма. Всего лишь маленькая фотография в газете, давно уже спущенной в сортир. Кроме тех экземпляров, что повесили на стену моя мама и мой тренер. Мама – с гордостью, а тренер – демонически хохоча, мол, вот пример, как дурная башка может завести или в морг, или на тюремные нары!

Конечно – по большому счету он был прав. Если бы я не был сыном бывшего следователя со связями, если бы мой тренер тоже слегка не подсуетился, если бы среди избитых мной оказался сын какой-нибудь шишки – все могло бы повернуться иначе. Нож бы пропал, а я вдруг стал бы жестоким изувером, напавшим на группу отдыхающих на детской площадке молодых людей, и мои боевые способности, уникальные для парня моего возраста, стали бы отягчающим обстоятельством. Я ведь на самом деле владел боевыми навыками. Меня учили драться. А суд это приравнивает к владению холодным оружием, если в процессе расследования выясняется, что применял я навыки в неправомерных целях.

И тогда я спросил Петровича, глядя прямо в глаза: «А как я должен был поступить? Как бы вы поступили на моем месте?»

И ничего не сказал Петрович. Долго молчал, потом усмехнулся, пожал плечами: *«Каждый решает для себя сам. Скорее всего, я бы поступил так же. Но я ведь другой. У меня была бурная молодость, и если бы не помогла твоя мама... в общем – парился бы Петрович на нарах, и долго! И никакой бы мне не было тренерской работы. И никакого бокса. Скорее всего – тихо спился бы где-нибудь в вонючей клоповой дыре. А ты другой – молодой парень, мечтающий о карьере милиционера, тебе нужно быть осмотрительным, таким осмотрительным, чтобы ни одна сволочь даже соринку не нашла на твоей биографии!»*

«Что ты должен был сделать? Правильный ответ – убежать! Ну кто связывается с десятком отморожков?! Только еще больший отморожок, чем они! Сбежать, вызвать милицию, и... чего кривишься? Хе-хе-хе... Ладно, ладно – смеюсь! Ты не мог поступить иначе!»

«И это... ты молодец. И я тобой горжусь, сынок! Кстати, хочешь хохму? К нам в секцию уже очередь из родителей, которые хотят пристроить своих детей к такому знатному тренеру, как я, воспитавшему героя! Настоящего бойца!»

«Ох, я не могу! Хо... хо... хо... Придется требовать прибавку к зарплате и премию! Ну должен же я получить премию, а? Я тебя воспитал, герой! Хо... хо... хо...»

«И денег теперь на ремонт зала выбью! Где мне героев воспитывать, когда линолеум скоро развалится от ветхости?!»

«Видишь, как оно получается – английская поговорка гласит: «В каждом свинстве есть свой кусочек бекона!» Хе-хе-хе...»

В общем – поговорили.

Выждать пришлось несколько месяцев, которые прошли совсем недаром. Прошлая история показала мне, насколько я могу быть уязвим, как хрупка моя безопасность и что я еще многого не продумал, чтобы начать настоящую Чистку.

И после не очень долгих размышлений я записался в театральный кружок.

Объявление увидел на Дворце пионеров – тогда таких «дворцов» было много, и мимо одного из них я каждый день ходил на тренировку. Мне как в голову стукнуло – вот оно! Это мне нужно!

И, кстати, – кружок начинал работать довольно поздно, вечером, так что у меня был теперь законный повод отсутствовать дома в вечернее время. Кто знает – в кружке я или нет? Мама мне доверяет, так что у нее не возникло и мысли, что я могу ее обмануть. А может, и была такая мысль, так что с того? Умная женщина, она понимала, что лучше иногда не знать истину, чем потом казнить себя, что полезла не в свое дело.

Я и сейчас не уверен – знает ли она о моих делах или нет. Иногда мне кажется – что да. Иногда – нет. Но я тоже не хочу, чтобы правда встала между нами, как каменная стена. Не все нужно знать мамам, не все!

В кружке я научился изображать из себя не того, кем являюсь. Именно это мне и было нужно. А еще научился гримироваться, носить парики – даже женские.

Я в кружке был вне конкуренции – ну как же, красавец-мужчина! Кто-то же должен играть мужчин, не только переодетые мужиками девчонки, которых было у нас 99 процентов. Борька Измайлов, очкастый ботан, да я – длинная дылда-спортсмен, вот и весь наш мужской коллектив театрального кружка.

А девчонок... ох, сколько там было девчонок! Кстати, хохма – мамуля решила, что именно поэтому я туда и пошел. Что моя пассия в кружке и я, как верный рыцарь, отправился следом за ней. Эдакий «капитан Фракасс», отправившийся вслед за возлюбленной! Презервативов в моем кармане стало обнаруживаться в два раза больше...

Вот там я и стал мужчиной в том понимании, в котором видят «проблему» широкие слои общества. Почему-то считается, что для того, чтобы стать настоящим мужчиной, обязательно нужно потереться слизистыми оболочками с представительницей другого пола.

То же самое касается женщин. Считал, и считаю, что потеря кусочка соединительной ткани никак не делает из девочки или девушки женщину. Можно быть сорокалетней гламурной дивой, сменившей десять мужей, три сотни любовников, и при этом оставаться совершеннейшей инфантильной дурой, с уровнем интеллекта капризного десятилетнего ребенка.

И наоборот, – девчонка, которая воспитывает своих сирот-братьев, кормит их, поит да еще и заботится о больной матери, – настоящая Женщина, и тот, кто на ней женится, – будет счастлив. Женщина – хранительница очага, та, кто никогда тебя не бросит, не предаст – в беде ли, в радости. И я сомневаюсь, что когда-нибудь смогу такую Женщину встретить. Это лотерея, которую разыгрывает Провидение, увы – такому, как я, выигрыш вряд ли упадет.

Ей было семнадцать лет. Потом исполнилось восемнадцать. Можно сказать – выпускница. Другому на моем месте было бы лестно – ну как же, девушка на три года старше обратила на него свое монаршее внимание! Юные девушки редко связываются со своими сверстниками, если только те не представляют из себя что-то особенное – киноактеры или писанные красавцы. Или дитя Очень Важных Родителей, общаться с семьей которых почетно и выгодно. А я кто такой? Боксер, который непонятно зачем пришел в по большому счету ненужный ему кружок. Ведь зачем сюда приходят – научиться исполнять какие-никакие роли, читать стихи, петь песни – все это пригодится при поступлении на театральный. А кроме того, ходили слухи, что некие театральные деятели периодически обходят эти самые театральные кружки – или студии, как их потом начали называть, – подыскивая себе Настоящих Актеров!

Чушь собачья – что касается «деятелей». А вот насчет неких навыков актерского искусства – да, есть такое дело. Волей-неволей научишься изображать, даже если кружок ведут не Баталов с Ульяновым, а пожилой актер театра, так особо и не засветившийся на экране. Второстепенные роли, «кушать подано» – как называют таких неудачников в актерской среде. Просто не повезло. На экране часто мелькают такие убогие монстры от актерского ремесла, такого низкого уровня, что наш Петр Сергеевич по сравнению с ними возвышался как пик Коммунизма над равниной бескрайней степи! Он попилал, и мы все про это знали – возможно, что выпивка и явилась причиной его неудач. Пьянка еще никому не была на пользу. Впрочем, если только изготовителям алкоголя и его продавцам.

Но речь не о нем. Юлька положила на меня глаз сразу после того, как я впервые открыл дверь нашего зала. Она умело, действуя угрозами, посулами, интригуя, как настоящая придворная фрейлина, быстренько оттеснила от меня всех девиц, которые тут же начали виться вокруг меня, как пчелы возле цветочной клумбы в городском саду. А завершила атаку уже через неделю после ее начала – я был оттрахан в кладовке с реквизитом, на сложенной в углу старой занавеси, со всеми причитающимися моменту вздохами, стонами, закатыванием глаз и судорогами, долженствующими показать, какая страстная девица досталась такому пентюху, как я. Мне даже ничего не пришлось делать, только смотреть в потолок да на голую спину и попку подруги, истово подпрыгивающей на мне, будто амазонка мчалась на своем горячем скакуне через ковыльную степь прямо на встречу с Искандером Двурогим.

Впрочем, от амазонки Юлька выгодно отличалась наличием обеих сисек, вполне так приличного размера, упругих и соблазнительно колыхающихся в такт движениям наездницы и «коня».

Презервативы не понадобились – я пытался достать это резиновое чудо, но Юлька решительно отвергла мои поползновения, туманно заявив, что ничего такого и в помине нам не нужно. Я не протестовал, хотя некоторые сомнения и были. Во-первых, и знакомые ребята, и Уголовный кодекс, и литература вроде купринской «Ямы» усиленно предупреждали о существовании такого явления, как ЗППП – мне бы очень не хотелось испытать эти очень неприятные безобразия на себе.

А кроме того – а вдруг Юляша решила бы пошантажировать, забеременев от меня, как от потенциального выгодного жениха?

Второе, после долгих размышлений, я отмел бесповоротно – был вынужден с некоторой досадой признать, кроме мускулистого тела, и того, что в нем привлекло Юльку, – у меня ничего нет. Мама-инвалид, квартира черт-те где, и... все. Боксерские регалии? А что они дают, кроме чувства собственной значимости? 99 процентов «профессиональных» боксеров заканчивают или тренерской работой, или пьянкой, после которой медленно или быстро сходят в могилу. Ну да, есть часть и более удачливых – «авторитетных бизнесменов», например, но это реже, и не в эти годы.

Насчет первого – Юлька сразу сказала, что она чистая, регулярно проверяется, потому бояться мне нечего, а с резинкой не те ощущения.

Я поверил ей на слово, потому что не пробовал с женщиной еще никак, ни с резинкой, ни без резинки. Сравнить было не с чем. «Придуманные» женщины во время «самообслуживания» – не в счет...

Презерватив я все-таки потом, как обычно, выкинул, чтобы не разрушать затверженную легенду, но теперь мог маме с чистой совестью сказать – да, у меня есть девушка!

Само собой – любви у нас с Юлькой никакой не было. По крайней мере – у меня. Мы встречались, занимались сексом – иногда по два раза в день, расходились довольные друг другом, и... все. Мне не было интересно, как она живет, кто ее родители, родственники, я не лез в ее душу, она не лезла в мою.

Странные отношения, но вообще-то не редкие. И часто – довольно-таки устойчивые. Эдакий «секс между друзьями». Встретились, разошлись. *«У тебя своя жизнь, у меня своя. Друзья? Друзья! Без обид? Без обид!»*

Только по прошествии довольно долгого времени, вспоминая это время, я начал кое-что понимать. Например, тот факт, что Юльку «регулярно проверяют», тогда не вызвал у меня никаких подозрений. Как и нежелание установить какие-либо тесные отношения помимо «дружеского секса».

Скорее всего, она была путаной, дорогой шлюхой, работавшей с иностранцами. А я ей был нужен как отдушина – ведь это не я ее снял, а она меня. Это не я ее трахал, а Юлька ездила на мне, как на жеребце! То есть что-то вроде самоутверждения – *«Я тоже человек! Я тоже могу жить нормальной жизнью! И хочу! Имею право!»*

Нет, конечно же, я оставляю процент вероятности и на мою «смазливую мордашку». Юлька так и говорила, что сразу запала на меня, такого красавца, – только мне лично это кажется ерундой. Все эти женские разговоры о Делонах и Митичах. Или я ничего не понимаю в мужской красоте! Я парень как парень, таких хоть пруд пруди! Мордашка, твою мать...

Интересно, что нашей «любви» почему-то никто не мешал. Как-то так удачно получалось, что всегда находилось местечко, где можно спокойно позаниматься сексом, никто не забегал с возмущенными криками вроде: «И что это вы тут делаете?! Как вам не стыдно?!» Никто не барабанил в дверь кладовой. Вроде как никто и не замечал этих наших отношений.

Юлька в конце концов так обнаглела, что «сексовалась», только раздевшись донага, без единой нитки на теле, и требовала того же от меня. Безуспешно требовала. Потому что я не мог себе позволить полностью расслабиться ни при каких обстоятельствах. *«Вдруг придется бежать, и что, я побегу гольшиом? А если на улице мороз?»*

Пока вроде бы мне не от кого было бежать, но что потом? Когда я начну активную Чистку? Могут проследить, могут попытаться захватить! Нет уж, всегда надо быть настороже! Наивно, конечно. Куда бы я сбежал, бросил бы маму?

А подготовка Чистильщика продолжалась. Я учился быть осторожным, изучил все приемы спецслужб, о которых вычитал в книгах. Проверялся, ставил «сторожки», сбрасывал «хвосты», когда шел по улице. Меняя внешность, походку, рост, и чтобы провериться, разыгрывал сценки – в магазине, в автобусе (мне уступали место!).

Как оказалось, у меня талант к перевоплощениям. Если бы я захотел сделать карьеру киноактера – успех был бы обеспечен. Так сказал наш руководитель, и я не знаю – прав он или нет. Возможно, что и прав. Но только я не хотел быть актером. Не хотел, и все тут! Какая-то... не мужская профессия! Сам не могу понять – почему я так считал. И считаю.

Кроме того, она слишком далека от той дороги, которую я себе выбрал. У каждого своя дорога, и ее прокладывают на небесах. Хотя люди и думают иначе.

Жизнь моя, и так напряженная, стала еще напряженной. Утром школа, после обеда – тренировка, после тренировки – театральная кружок. В свободное время – посещение библиотеки, читального зала, яростное «проглатывание» книг.

Если только не уезжал на соревнования или кружок не ставил очередной маленький спектакль.

На спектакли обычно приводили школьников младших классов, и нередко – детдомовцев. Вот они и были самыми благодарными зрителями, эти несчастные осколки жизни, радостью в которой был лишний стакан компота, выданный сердобольной поварихой, да наш спектакль, позволяющий уйти от мерзости повседневной жизни. Однажды, уже через много лет, я встретил бывшего беспризорника, который бывал на наших спектаклях, и был просто поражен, с какой любовью и ностальгией он вспоминал об этих наших представлениях. Луч света в беспросветной тьме детдомовской жизни...

Я смотрел на этих стриженных налысо мальчишек, на девчонок, тарасившихся на мир с испугом зверят, которых только что выкопали из норы, и сердце мое щемило – ведь это «я» сидел там, в первом, третьем или пятом ряду. Это «я» смотрел на сцену – худой, дурно стриженный, никому не нужный мальчишка! Если бы не мама... если бы она не нашла меня и не взяла под свое крыло! Кем бы я сейчас был? Лучше об этом не думать...

Мы играли Шекспира, играли пьесы современных писателей. Но сказки – вот что было интереснее всего! Простор для фантазии. Для перевоплощения.

Я был великолепным Кашеем Бессмертным. Ооо... как я грозно вопил: «Да я убью тебя, Иван!» – девчонки в первых рядах взвизгивали, а пацаны радостно хохотали! Я имел успех, да! И честно признаюсь – мне это нравилось.

Мама пришла на «Ромео и Джульетту». Джульетту, само собой, играла Юлька, и на следующий день, когда сидели за обеденным столом, мама вдруг серьезно меня спросила:

– У тебя с ней... что... любовь?

Я вначале не понял, а когда понял, закашлялся, подавившись чаем:

– Мам, да ты чего?! Это же пьеса! Да и мне лет-то... пятнадцать! (Это было через год после начала моих занятий в кружке.) Какие еще любви?!

– Ты мне лапшу-то на уши не вешай! – Мама грозно сдвинула густые брови. – Я вижу, как она на тебя смотрит! Так бы и съела, чертовка! У тебя с ней что, серьезно?

Нет, от мамочки точно ничего не скроешь. Даже обидно! И опасно...

– Мам, она просто друг. По театральному кружку. Не более того! – Громко пристукнул чайной чашкой, поставив ее на стол, будто подтверждал мои слова, добавлял им весомость. – Хватит об этом! Я вообще еще несовершеннолетний! Какие любви?!

– И я о том же, – неопределенно и как-то зло ответила мама. – Ты вот что... когда будешь с этой... подругой, думай, что делаешь, обещаешь думать?

– Не обещаю! – тут же парировал я. – Думать слишком сложно, мозги скрипят, а еще ноги мерзнут! И вообще – боксеру мысли ни к чему! Незачем думать! И нечем!

– Дурак! – фыркнула мама, хихикнула, потом снова посерьезнела. – А ты не думал над тем, чтобы прямо сейчас бросить школу и пойти в университет? Ты же сможешь, я знаю! Они все тебе и в подметки не годятся! Эти студентки – бездельники, лоботрясы и выпивохи! (Кстати, мама точно их определила, и я в этом потом убедился.) Тебя примут на ура! Спортсмен, умница, гений! Ты так и хочешь на юридический? Сынок, может, что-то другое? Грязная это работа... неблагодарная!

– Но ведь кому-то нужно чистить мир, мама? – не задумываясь бросил я, пододвигая к себе корзинку со сливочными вафлями. Я их любил. – Все станут врачами, учителями, инженерами, а кто будет убирать мусор? Кто защитит людей от грязи? Мариванна, что ли? Или Петр Данилович?

– Ох, сынок, сынок. – Мама грустно улыбнулась: – Я и горжусь тобой, и боюсь за тебя! С твоим идеализмом, с твоим черно-белым видением мира... туго тебе придется! Ты просто не представляешь, что такое милиция! На всех «хлебных» местах – свои! ОБХСС, ГАИ – все, что приносит деньги, связи – только «блатные»! Только свои дети, друзья, родственники или за деньги! А там, где надо просто пахать, – на таких вот идеалистах и пахнут. Все эти идеалистические бредни улечиваются в первый же год работы, и когда ты остаешься наедине с действительностью, тогда начинаешь соображать – а оно мне надо? Гнаться за показателями, выслушивать тупые рассуждения и глупые выволочки начальства, проверяющих из Главка, контролирующих «органы» партийных начальников, которые – прости за пошлость – член свой не могут без лупы найти, а мне, следователю с двадцатилетним стажем, советуют, как лучше вести розыск и разоблачать преступника! Отчеты, рапорты, куча бумаг, отписки, запросы – портфель застегнуть нельзя, вываливаются бумаги! Раздулся, аж замок не держит! Трещит! Тебе *это* надо?

Я усмехнулся и продолжил прихлебывать чай, притом сделал это шумно – нарочно шумно, – и мама укоризненно покачала головой, мол, так нельзя, некультурно!

Она всегда была очень аккуратна и прекрасно разбиралась в этикете. Говорила, что родители научили. А она теперь учит меня. Пригодится! Не все же деревенщиной-спортсменом по миру буду шастать, когда-нибудь попаду в приличное общество, и вот там...

Она обычно закатывала глаза, и я со смехом представлял, что начинаю шумно прихлебывать шампанское и все вокруг, такие тонкие и рафинированные аристократы, падают в обморок от соседства с неотесанным мужланом! Просто как пшеница под косой падают! Я ей как-то описал эту картину – мама долго смеялась и назвала меня фантазером, полностью оторванным от реальной жизни.

– Кстати, разговаривала я с Мариванной и с Петром Даниловичем. – Мама многозначительно подняла брови: – И сказали они мне, что ты излишне развит! У тебя преждевременное развитие организма! Ты на уровне двадцатилетнего парня, и это в пятнадцать-то лет! И не только на психическом уровне, но и на физическом! И твои отношения с Юлей... так ее звать, да? Юля? Так вот – твои отношения с Юлей это доказывают! На тебя западает восемнадцатилетняя девчонка, на пятнадцатилетнего мальчишку! Поверь мне, ни на какого другого пятнадцатилетку ни одна девушка ее возраста не подумает даже и глянуть, не то что с ним... В общем – что-то не нравится мне эта связь. Я думала – у тебя девчонка твоих лет или помоложе, а тут – многоопытная девка! Девка-жох! Огонь-баба! Поберегись, сынок! Чую подвох! Чую!

– Человечьим духом пахнет! Чую! Чую! Ух! Ух! – довольно-таки достоверно (согласно сценарию) изобразил я Бабу-Ягу, заухал, сделал зверскую рожу, и мама расхохоталась:

– Да ну тебя... дурак! Я серьезно, а он опять за свое! Тьфу! Перестань! Так вот, насчет университета... может, сразу и поступишь? Чего время-то зря терять? И вот что, сынок... Я, конечно, понимаю, для тебя это важно, твоя жизнь это... но, может, тебе пора прекратить занятия боксом? Драться ты умеешь, да так, как никто в мире не умеет! А получать удары по черепной коробке... Ты же слышал, что случилось с Мохаммедом Али, да? Это именно из-за того, что его били по голове! Я не хочу, чтобы ты превратился в трясущуюся развалину! Инвалида! Подумай над этим, сынок!

– Подумаю... – Я задумчиво взглянул в пространство, будто обдумывал мамины слова, отправил в рот последний кусочек вафли, вздохнул. Сегодня был единственный свободный день – тренировки в воскресенье нет, кружок тоже не работает, можно целый день валяться на диване, глядя в ящик, или побродить по улицам... Нет! Просто побродить по улицам, и все! Не для *того*!

В кино сходить... можно с Юлькой. На последний ряд. Она такая искусница, делает такое... я ни в каких книжках об этом не читал!

Вначале дико было, стеснялся (Грязно же! Как так можно?!), а потом... потом привык. И мне нравилось. Юлька сказала, что за границей все прогрессивные женщины делают *это*. И только у нас ханжество и никакого прогресса!

Я засомневался, что прогресс заключается именно в этом, но протестовать все-таки не стал. Зачем протестовать, когда тебе хорошо? И нужно только расслабиться и получить удовольствие!

А мама-то права... не все с Юлькой так просто. Только какая мне разница? Пока меня все устраивает, и менять я ничего не хочу!

– Мам, я мог бы поступить в университет, если мне разрешат, конечно, – я ведь слишком молод. Мог выучиться, но ты представь – я среди студентов, которые старше меня на несколько лет! Все смотрят на меня как на диковинку, пальцем показывают. Издеваются. Хихикают. А я могу и не позволить хихикать... попаду в неприятности. Мне оно надо? Я все равно выучусь в университете, через два года окончу школу – и пойду в университет! Со сверстниками, нормально! Как все! Не высовывайся! Разве я не прав? А так – хлопоты, чтобы мне разрешили

сдавать досрочно, суета, лезть людям в глаза... И ради чего? Ради того, чтобы я ходил в университете малолетним изгоем?

Мама задумалась, кивнула:

– Прав. Действительно, куда торопиться? Ты и так уже впереди всех. Успеешь. А то и студенческой жизни-то не увидишь... и так у тебя нет жизни никакой! Одни тренировки, занятия да кружок вот теперь! Юля... эта!

Мама поджала губы, и я вдруг с горечью увидел – как она постарела! Боль. Нескончаемая боль в глазах!

Мама никогда мне об этом не говорила, но я видел, как она буквально горстями глотала таблетки, и чувствовал ее боль. Боль в перебитых костях, в вывернутых суставах, в отбитых внутренностях.

Твари! Я их все равно когда-нибудь найду! Найду! И почищу мир!

* * *

Жизнь моя бежала по накатанному пути. Шло время, затянулось тinou и мое «героическое» приключение во дворе, и только иногда я чувствовал ненавидящий взгляд из окна квартиры возле третьего подъезда – то ли это была мать одного из тех, кто благодаря мне ушел на зону, то ли его девушка, сестра – не знаю. Да и знать не хочу. Видел очертания фигуры в грязном окне да однажды слышал шипучие проклятия в свой адрес, в спину – когда шел по коридору суда.

Меня вызвали в суд в качестве потерпевшего месяца через два после того, как шпану закрыли в изоляторе. Суд был недолгим, очень недолгим – я даже удивился, ждал, что из-за количества обвиняемых дело затянется. Неделю мне пришлось каждый день ходить в районный суд, как в школу, в сопровождении моего веселого, бодрого адвоката.

Приговор был вынесен не самый мягкий, но и не совсем так уж жестокий – раздали по два-три года за групповую «хулиганку» (реальных сроков), самый же главный персонаж получил пять лет.

На суде он выглядел плохо – худой, с ввалившимися щеками, запавшими глазами, с перемятой, как из пластилина, физиономией. Парню сильно досталось, но я его не жалел. Он хотел искалечить беззащитного пацана, но нарвался на волка. Так кто же в этом виноват? Разве я?

Прошло больше полугода, прежде чем я снова вышел на Чистку. Кончилась зима, мне было уже пятнадцать лет. Наверное – пятнадцать лет. Моим днем рождения записали тот день, когда меня нашли на обочине дороги. То есть фактически мне было не пятнадцать, а около шестнадцати лет.

Около! Смешно... Что значат лишние полгода-год? Какая разница, пятнадцать мне или шестнадцать? Если врачи определили мой биологический возраст в двадцать лет?

Вообще-то все это условно. Вот, например, у девушек – мои сверстницы по большей части выглядели так, будто им не пятнадцать-шестнадцать лет, а все двадцать пять! Половозрелые особи. Но отношение к ним – как к детям. И какие они, к черту, дети, когда лифчики трещат, юбки рвутся по швам, распираемые тугими бедрами, а мужики на улицах головы едва не сворачивают, провозжая взглядом... пока не глянут в лицо. (*Статья! Малолетка! Боже упаси! Дадут столько, сколько она весит!*) А если ее еще накрасить? Да никто не отличит от двадцатилетней!

Так, может, и надо относиться как к двадцатилетней, чего с ней сюсюкать? Ввести два возраста – биологический и календарный, а соответственно им и...

В общем – чушь всякая. Маме высказал свои мысли – она долго хохотала, утирая глаза, а потом с оттенком горечи сказала, что ей сейчас точно две тысячи лет. По крайней мере так она себя ощущает. Древней забальзамированной мумией.

Нет, я и сейчас думаю, что насчет биологического возраста – это правильная идея. Ввести понятие биологического возраста, и судить тогда можно будет, ориентируясь не по календарному возрасту, а по реальному, по реальным деяниям преступника. Почему зверенышам-малолеткам снисхождение? С какой стати? Они-то как раз самые жестокие, самые беспредельные в мире криминала!

В первый же мой после долгого перерыва выход на Чистку я нарвался на малолетних негодяев. Лет по 14–15. И, как всегда, – главным у них был «зеленый». Тогда, после этого случая, я и стал называть их Тварями. Тварь. Или Бес.

Это был весенний апрельский вечер – конец апреля, тепло, ясно, уже сухо, но до летней жары далеко. Я знал, где начну свою первую Чистку – заранее подготовился, осмотрел место, пути отступления, место закладки одежды, грима – я их уложил в непроницаемый резиновый мешок, который купил на барахолке, и спрятал в колодце теплотрассы, сделав все, чтобы его не нашли бродяги. Пришлось прикапывать мусором довольно подозрительного вида, но оно стоило того. Парик, тени, тонирующая пудра – все, что нужно для того, чтобы изменить лицо. И одежда – я потом часто пользовался подобной одеждой – изображать старика проще, чем натягивать на себя мини-юбку для привлечения молодых отмороzków.

Кстати сказать, так и не решился попробовать женский образ – вся моя сущность бунтовала, когда я представлял себя в роли девицы. Даже на сцене я отказывался изображать женщин – если не считать Бабу-Ягу, но она вообще-то не женщина, а суть Лесной Дух.

«Батожок» взял мамин – старый, я ей купил новый, а этот вроде как вынес в мусор, выкинул. Мол, совсем уже сделался старый и неприличный.

Глупость, конечно, какая разница, старый или новый, кто его рассматривает? Но мама не спорила. Тем более что купил я его на мои, заработанные деньги – мне дали премию, аж двести рублей.

Огромные деньги! У меня никогда не было таких денег. Вернее, не премию, а приз – от руководства ГУВД, за победу на городском чемпионате. Вручал Петрович, дал расписаться в какой-то ведомости и, одобрительно похлопав меня по плечу, прогудел: *«Это только начало! Если не бросишь, если будешь идти так же бодро – и деньги будут, и новая квартира – все будет! Держись меня, и не пропадешь!»*

Эх, Петрович, Петрович... лучше бы ты держался меня...

А тогда – я был счастлив. Все впереди, все меня любят (кроме «зеленых»!), жизнь прекрасна и удивительна. И я не помышлял себя вне бокса, вне спорта, вне этой атмосферы зала, наполненной звонкими ударами, энергией тренированных тел и запахом пота. И разве может быть моя жизнь другой, не такой, как эта?

Оказалось – может. И совсем скоро... «Человек предполагает, а бог располагает».

Найти негодяев оказалось до смешного просто. Пройти через пустырь к перрону электрички, открыть авоську, достать, раскрыть и бросить назад пузатый старый кошелек, набитый «денежными купюрами». А потом спокойно пойти в сторону пустыря, «не замечая», что следом крадутся трое парней – мелких, лет по четырнадцать-пятнадцать.

В то время их называли шакалами. А то, что они делали на улице, – «шакалить». Они останавливали таких же молодых парнишек, обшаривали карманы, забирали мелочь, а если жертвы сопротивлялись – избивали. Большинство из шакалят не достигли еще и четырнадцатилетнего возраста, а значит, не попадали под уголовную ответственность. Это к вопросу о реальном и календарном возрасте.

Само собой, никто из них сам из себя ничего опасного не представлял – мелкие, трусливые, слабые. И только объединяясь в стаи, «духарясь» друг перед другом, они набирали силу и делались могучими демонами, которые наводили страх на всю окраинную молодую братию.

Впрочем, и на старшие поколения. Когда выросли и набирались сил. Обирали пьяных, нападали на стариков, и доказать, что именно они совершали преступления, было очень трудно

– как ни странно, эти шакалята частенько создавали что-то вроде настоящей организованной бандгруппы, где была своя разведка, свои осведомители, вплоть до группы прикрытия, следящей за обстановкой вокруг – не едут ли менты, нет ли свидетелей преступления. Прообраз будущих ОПГ.

Перед тем как я до них добрался, на счету этой группы было уже четыре убийства, и это притом что больше половины ее участников не достигли и пятнадцатилетнего возраста.

Это все я узнал уже потом, через несколько лет. Увидел дело, посмотрел фотографии и тут же понял – они! И горько пожалел, что уже тогда не начал убивать. Если бы я их завалял в далеких 80-х, возможно, сберег бы много невинных людей. Часть этой банды тогда разбежалась, однако «костяк» ее хоть и притих, но не излечился от своих преступных наклонностей. И когда шакалята выросли, то как раз и подоспели к дележу огромного пирога, который раньше называли Советский Союз. Чиновники рвали пирог, бандиты рвали чиновников – всем хватило, кроме тех, кому эти все богатства якобы принадлежали изначально – «Советскому Народу». Нищему, голодному, обманутому, отчаявшемуся, не видевшему впереди ровно никакого просвета в черной пелене жутких девяностых годов двадцатого века. «Не дай бог тебе жить в эпоху перемен!» – кто сказал, не помню, но сказано абсолютно точно. Не дай бог.

И ничего в них не было такого страшного, в этих подростках. Семь парнишек моего возраста, в аккуратных кепочках, любимых гопниками всех времен, в приличных, чистых куртках, добротных ботинках. Домашние мальчишки на прогулке.

Впрочем, они и были домашними. Я помню из дела, один – сын учительницы и мастера ЖКО, другой – мать кассирша на станции, отец слесарь на СТО (уважаемая личность!). Третий – сын директора клуба, четвертый... да все они были вполне приличными парнями, не голодающими, не наркоманами! Зачем им было нападать на людей, отнимать жизнь за жалкие гроши?

Никогда не мог этого понять. Ну ладно там – некая группа решила ограбить банк. Плохо, да, преступление! Но за огромный куш, все ставить на кон, пан или пропал! Когда не щадят ни себя, ни окружающих – и знают, что могут погибнуть под выстрелами полицейского спецназа. Это понятно! Но эти-то за что?! Убивать за десять рублей? Измываться над сверстниками за тридцать копеек? И что из таких тварей может вырасти? Какие люди?

Я помню, мы с Юлькой пошли на старый фильм «Генералы песчаных карьеров» – я его раньше не видел, а она – аж два раза. С придыханием говорила, какой это прекрасный фильм, как она плакала, когда его смотрела! Мы сели на последний ряд, как обычно, я думал, что она по обыкновению запустит мне руку в штаны, и все у нас пойдет как по маслу. Но не тут-то было. Юлька заворуженно всматривалась в происходящее на экране, и невольно я сам начал вглядываться в это действие.

Мне хватило получаса, чтобы понять – я бы этих тварей прибил на месте! И никакой жалости! Грабеж, воровство, насилие – уже не исправить, уже пропитаны Злом!

У них другие мерилы нравственности, другое понимание добра и зла. Они мутанты, бесы, и то, что эти подростки сироты, – ничуть их не обеляет.

Подумалось тогда, а если бы эти сиротки распяли Юльку на песке да отодрали бы во все дыры – толпой! Сифилитики, тубики, гонорейные ублюдки! Как бы она *тогда* отнеслась к ним? Так же бы переживала? «Ах, какие они несчастные!»?

Это пока не коснется тебя самого – «Они же дети! Как так можно?!» А если бы твою мать искалечили? Если выгребли из карманов все, что нашли, а потом ради развлечения топтали бы ногами, ломая хрупкие женские косточки? Пиная в живот! Тогда как?

Я задал Юльке этот вопрос. И про насилие, и про ограбление. Реакция была такой, какую я, в общем-то, и ожидал – мы не разговаривали неделю. Ну и не трахались, само собой. Зато секс потом был слаще, а Юлька чуть умнее.

Вот и эти мелкие отморозки с горящими от возбуждения и предвкушения глазами – разве они заслуживают жалости? Им-то что надо? Бразильские грабили и воровали хотя бы для того, чтобы поесть, а эти – зачем? Сытые, домашние, благополучные?

Власть. Желание мучить. Звериная сущность, прорвавшаяся через оболочку цивилизации. Да нет, не звериная – бесовская. Зверь убивает для еды. Если он сыт – лежит себе, спит, гуляет, самок топчет. А эти хуже зверей!

В центре, конечно, «зеленый». «Тварь». Симпатичный парнишка, типичный маменькин сынок – даже шарф на шее, чтобы не простыл. Мама сказала с шарфом ходить! Мама – заведующая гастрономом. Папа – где-то в администрации. Мажор – как таких начали называть потом, после развала Союза. И Тварь.

Тогда я еще не знал, что Твари обычно рождаются от Тварей. Но не всегда. Иногда зараза переходит и от чужой Твари. Впрочем, разве здесь есть какое-то открытие? Просто я могу видеть Тварей, четко определять, что «этот вот – Тварь конченная, а в этом еще осталось что-то людское», простой человек определяет по поведению. Тоже способ, кстати, но... увы, не точный.

Кем они меня тогда видели? Длинный, ссутулившийся старик в смешных круглых очках (это хороший штрих, все видят очки-телескопы и не замечают лица), ногу подволакивает, руки трясутся. Седые волосы из-под побитого молью беретика – ботан, точно! Ха! В беретике! Нормальные пацаны в беретике не ходят!

– Эй, дед... – Тварь подошел ближе и протянул руку к моей авоське: – Деньги гони! Слышь?!

Я беспомощно оглянулся по сторонам, якобы ища, кто бы помог, нет ли прохожих (пусто, отлично!), подался назад, «собираясь бежать», но двое из стаи перекрыли мне отход, забежав со спины.

– Жадный какой дед! Давай делись, придурок! Порадуй внучков! – Тварь радостно расмеялся.

Он наслаждался спектаклем! Взрослый человек – и как ребенок! Боится, дрожит, перед ним дрожит, перед могучим монстром, великаном, Демоном! Приятно!

Я пришел к выводу – Твари питаются отрицательными эмоциями.

Все во вселенной – энергия. Эмоции – та же энергия. И есть существа, которых я называю Тварями. Они питаются энергией эмоций, как мы – хлебом, котлетами, картошкой.

Почему отрицательной энергией? Почему бы им не смешить нас, а потом поесть положительную энергию? А почему, к примеру, хищники едят мясо, а коровы траву? Твари – хищники и едят мясо, вот и все.

Вполне вероятно, что есть энергетические вампиры, которые питаются положительной энергией. Они живут в тех, кто умеет заставить людей радоваться, веселиться – это хорошие Твари, их даже «тварями» называть не хочется. Они приносят пользу – хорошие, правильные симбионты, как те бактерии, что живут в кишечнике живых существ и помогают им переваривать пищу. А вот эти – они ничего людям не дают. Другим людям. Дают только своему носителю. И себе. У остальных только отбирают – здоровье, счастье... хороший, чистый весенний вечер. Солнце. Радость бытия.

Взамен – страдания. Боль. Отчаяние.

Я видел – он собирается меня убить. Знал. По всему знал. Лихорадочный румянец на лице, блестящие глаза, застывшая, напряженная улыбка... заточка в правой руке.

Я потом посмотрелся этих заточек – в уголовных делах, в музее криминалистики, потом – в жизни. В живых руках, и гораздо более ловких, чем руки малолетнего отморозка.

Что мне этот недоросль, когда со мной не смог сладить десантник, обученный приемам ножевого боя? Что мне двое дурачков, хихикающих за спиной, когда я валил одним ударом соперника, который их всех разметал бы в одиночку, как ветер разносит осенние листья?!

Мне хорошо запомнилось, как парень держал эту самую заточку – рука белая от напряжения, пальцы вцепились так, будто он думал, что заточка сейчас выпорхнет из рук и улетит. Типичная ошибка новичка. Нож, стилет должны порхать, их нужно держать мягко, но в то же время крепко, как птичку, которую нельзя раздавить, но и нельзя отпустить на волю! Так говорил мой инструктор. Инструктор, которого я пока еще не знал.

Впрочем, я этого и не мог забыть. Абсолютная память, эйдетическая – если говорить научным языком. Хотя ей и приписывают много такого, чего на самом деле нет, эйдетики все-таки умеют забывать, если долго не обращаются к нужной картинке. Но они все равно помнят многократно больше, чем обычный, нормальный человек.

А еще, если кто-то думает, что эйдетическая память – это абсолютное благо, он просто наивный дурак. Я бы хотел забыть многое. Очень многое. Но мне это недоступно. Как хорошо было бы погрузиться в темный ласковый кокон беспамятства, выкинуть из памяти все плохое, все страдания, всю боль, и жить только настоящим!

Но я не нормальный. И я Чистильщик. И не могу себе позволить забыть, даже если бы и хотел.

Он ударил первым. Заточка шла напрямиком в солнечное сплетение, снизу вверх, в желудок. Я легко увернулся от удара, качнувшись в сторону, и мощно пробил кросс в его правую скулу. Убийца упал без сознания, а я выпустил из рук «батожок», не позволяя себе отвлечься на хлынувшую в меня волну наслаждения, мгновенно обернулся к тем, кто перекрыл мне отход, и свалил их за одну секунду двумя молниеносными ударами в челюсть и в нос.

Тело работало будто бы само по себе – годы и годы тренировок, ни грамма спиртного, ни глотка табачного дыма (если только случайно, на улице или в общем туалете!).

И кроме того, после «зеленой волны», наполнившей меня невероятным ощущением здоровья, силы, радости, я мог больше, гораздо больше, чем любой из людей, живущих на всем белом свете!

Я был всемогущ! Неубиваем! Не было преграды, которую я не смог бы преодолеть! Эйфория! Подъем сил! Полет!

Наверное, что-то подобное ощущают адреналинозависимые, дождавшиеся сладкого «прихода» кайфа в их изъеденный наркотой мозг.

А еще теперь я знал, с чем сравнить ощущение от выпитого, пусть и частично, Беса.

Оргазм! Это был оргазм, усиленный в несколько раз!

Но и тогда я еще не знал, каким может быть наслаждение от полностью выпитого, «созревшего» Беса. Кто мне встречался до того? Жалкие зародыши, зачатки настоящих Бесов, не те Бесы, которые пили боль и страдания людей долгие, очень долгие годы, напитавшиеся темной силой, хранившие ее, как атомная бомба хранит спящую в обогащенном уране мощь ядерного взрыва!

Но все впереди. Я только начинал свой путь.

Никто не ушел. Двух последних, несущихся с места битвы так, будто бежали от самого Сатаны, я бил уже в спину, сзади, что, впрочем, не сделало их жизнь так уж и намного легче. Одному я сломал позвоночник, и он никогда уже не смог стать прежним. Другому – сломал несколько ребер, ногу, руку – механически, деловито, не думая над тем, что делаю. Как хвост. Как сухую доску для растопки костра во время весеннего субботника.

Остальные получили то же самое. Я бил, пинал, стараясь не вымазаться в крови, а напоследок, аккуратно подняв заточку с земли краем шарфа, висевшего на шее негодяя, вложил ее в руку Твари. Потом вынул, постаравшись, чтобы остались четкие отпечатки ладоней и пальцев носителя Беса, и, так же держа ее через шарф, коротким точным движением воткнул в одного из подручных Твари. Пусть теперь менты разбираются – кто кого бил, зачем бил и кто в этом виноват.

Одежду, забрызганную кровью, я унесу, спрячу в другом месте, до дома отсюда далеко – так что никто не свяжет меня с этим побоищем. Только уходить надо быстрее, пока кто-нибудь меня здесь не застал. В этот раз я благоразумно не стал никого расспрашивать о нападении на мою мать. Контингент не тот, вряд ли это были они. И, кроме того, главное – когда их допросят, они точно расскажут, о чем спрашивал их «старик», и умный сыскарь сложит два и два. И тогда – держись, Чистильщик! Вообще-то то, что я сделал, тяжкое уголовное преступление. Даже если всего лишь защищал свою жизнь. Есть такое понятие, как «превышение необходимой обороны», и по этой статье люди идут на зону просто-таки на ура. Я слышал об этом не раз и не два. И знал наверняка, что это совершеннейшая правда.

Попробуй-ка застрели из охотничьего ружья грабителя, вора, забравшегося в твой дом! Сядешь как миленький! *«А вдруг он не хотел нанести вам вред? Откуда вы знали, что он хотел вас убить?!»* – непрошибаемый аргумент.

Я поднял батожок, снова превратившись в старика, потом вдруг почувствовал, что чего-то не хватает... очки! И когда успел положить их в карман? Видимо, перед дракой, автоматически. И сам не заметил – когда!

Оглянулся на тела, под которыми расплывались лужи крови, на Тварь – над ним уже не было зеленого свечения. Но Бес сидел на месте, в душе, я это знал, чувствовал. Не знаю как – но знал. И знал, что его можно уничтожить только вместе с носителем, с телом Твари. Но я пока не был готов убивать. Пока.

Глава 3

После той Чистки на пустыре я притих. Ходил в школу, на тренировки, в театральные кружки – спокойная, размеренная жизнь. В первые дни после акции читал газеты – нет ли упоминаний о происходящем, не пишут ли о том, как некий старик разогнал банду малолетних негодяев, или наоборот – как некий сумасшедший напал на группу гуляющих в свое удовольствие подростков и жестоко их покалечил совершенно ни за что. Но все было тихо, гладко, в газетах только о трудовых подвигах доблестных рабочих и крестьян, и ни одного слова о жестоком преступлении, совершенном в одном из окраинных районов города.

Впрочем, советские газеты не любили сообщать о тяжких преступлениях, если только на то не было воли высшего руководства – в советском обществе нет преступности. Нет наркомании, проституции, нет профессиональных преступников, которые ни одного дня не проработали на предприятиях народного хозяйства. Даже на тех, которые находились в ведении ГУИН – Главного управления исполнения наказаний. В просторечии – на зонах. Вор не должен работать – запахло!

У меня все было в порядке. Ну... кроме отношений с Юлькой. Они постепенно как-то охладели. Юлька стала реже появляться на репетициях, а потом исчезла совсем. Я попытался ее найти – даже взял адрес у нашего руководителя, съездил к ней домой, но... никого не нашел. Оказалось, что она с матерью и сестрой куда-то уехала, и со слов бабок у подъезда, которые знают все про всех, – возможно, очень надолго. Или даже навсегда.

Квартира, где они жили, была заперта, окна занавешены, так что если бы даже я поднялся на второй этаж и заглянул в окно, все равно бы ничего не увидел. Нет, правда – была такая мысль, видимо детективов начитался... вдруг Юльку убили, и она лежит на полу в закрытой квартире?! И никто не знает – там она или нет!

Я посидел на скамейке рядом с двумя словоохотливыми старушками, втерся к ним в доверие, и они выдали мне все, что знали о Юлке и ее семье.

Впрочем, ничего особого интересного я не узнал: Юлькин отец некогда был большим начальником, потом его посадили – вроде как за хищения на швейной фабрике. Юлькина мать привыкла хорошо жить, а когда мужа арестовали, отняли все, что у них было – кроме квартиры, конечно, – начала пить, и... «вести антиобщественный образ жизни» – так сказала одна из бабок, сжав губы в тонкую прямую черту. Отец Юлькин так из зоны и не вернулся – говорили, что помер. От чего помер – никто не знает. Как не знают, чем жили Юлькина мать и сама Юлька с сестрой все эти годы. Одевались-обувались они бедно. Потом вроде как зажили лучше – новая одежда, новые туфли. (Все ведь примечают, старые чертовки! Надо будет это учесть!) Чем занимались, где работали – никто не знает. Ну... а потом вот исчезли, и все.

Сам не знаю, почему они мне так легко выдали всю информацию. Вообще-то я еще с раннего детства заметил, что, если захочу, могу легко нравиться людям. Ну как бы это сказать... в общем – здороваешься с незнакомым человеком, улыбаешься ему, и он вдруг начинает относиться к тебе как к давно знакомому соседу, с которым много лет поддерживает дружеские отношения. Не то чтобы незнакомец сразу стал таким уж другом, нет, просто он не «поднимает иголки», не фырчит, как злобный еж, а разговаривает со мной откровенно – насколько только это возможно.

Мама с детства заметила такое мое свойство – все вечно сюсюкали, старались погладить меня по голове, что-нибудь подарить, начиная с яблока и заканчивая красивой безделушкой, привезенной с курорта, и вначале думала, что это все из-за моей внешности – голубоглазый ангелочек, чудо-ребенок, почему бы и нет? Когда подрос, стал юношей – решила, что такова моя харизма – модное слово, начавшее входить в обиход интеллигентных людей. Мол, у меня такой высокий интеллект, что люди не могут со мной не дружить. Тянет ко мне людей, вот и все.

Пресловутая Мариванна так и сказала: *«Мальчик умен, красив, а еще есть в нем что-то притягательное, что-то такое... странное, что даже я, старуха, при взгляде на него чувствую внутреннее беспокойство. Будто эхо моей бурной юности!»*

Не знаю, что там насчет бурной юности Мариванны – сейчас она больше походила на старого гиппопотама, на старости лет вырвавшегося из загона зоопарка, но все-таки поверю ей на слово. Раз говорит, что в юности была ого-го какая красotka – значит, так тому и быть.

Что же касается моих ума и красоты – не знаю, не с чем сравнить. Ну да, я высоко эрудирован, в моей голове нашли свой вечный приют тысячи книг разнообразной направленности и жанров, но стоит ли называть библиотеку с книгами – умной? И вообще – что такое ум? Или, вернее, – кто такой «умный» человек? Одни считают, что ум – это способность создать новые технологии, найти решение математического уравнения, другие складывают и умножают только с калькулятором, зато у них всегда есть деньги, они умеют их добыть. Так кто из них умнее?

Горевал я по поводу исчезновения Юльки совсем недолго. Ее место заняли сразу две подружки, две похожие друг на друга, как сестры, девчонки – Машка и Танька.

Честно сказать, мне с ними было проще, чем с Юлькой. Та подавляла меня, вернее, старалась подавить, и в нашем временном союзе она была главной. По крайней мере, Юлька так считала и не гнушалась время от времени это подчеркнуть. «Ты мой, я тебя выбрала, я хочу, мое мнение важнее!» Эти же девчонки, которым, в общем-то, было далеко до точеной красоты Юльки, хоть и не обладали ее сексуальным умением, не знали хитрых премудростей просвещенных западных женщин, зато не грузили мозг, веселили, а все эти самые сексуальные умения – дело наживное! На то у них есть теперь опытный наставник, который научит чему нужно.

Почему сразу две? Да вот так! Подошли, хихикая, краснея, предложили «дружить». Глупое слово, да – какая это дружба, когда занимаешься сексом с мужчиной или женщиной, но тогда это так говорилось у молодежи: «Давай дружить!», «Он с ней ходит!» Или – «Она с ним ходит!» Смешно, точно. Ходили-бродили.

Так вот – они сразу заявили, что я нравлюсь им обоим, они хотят со мной дружить – и сразу обе. Потому что с детства подружки, с самого детского сада, и делят все пополам!

Кстати, уникальный случай в моей жизни. Нет, не групповой секс – после того как в бывший Союз хлынула волна «западных ценностей», смявших, скомкавших прежнюю мораль, как колесо грузовика пустую банку из-под колы, такое дело стало совсем обыденным, едва ли не в ранге допустимого. Фильмы, книги, обнаженка на экранах – я не скажу, чтобы советское время отличалось такими уж строгими нравами, но некоторые приличия все-таки соблюдались, а потом... потом все рухнуло. Но речь совсем не о том.

Уникальность случая заключается в том, что эти девчонки на самом деле были настоящими подругами и в самом деле ничуть не ревновали друг друга. Более того, когда я уделял внимания одной больше, чем другой, она тут же звала свою «сестренку», как они себя называли, и мне волей-неволей приходилось «заниматься» уже с ней.

Впрочем, я зря сказал, что они по красоте очень уж не дотягивали до Юльки. Он были красивы своей красотой – милые, большеглазые, длинноногие, худенькие, но в меру, стройные, как гимнастки. (Кстати, как я узнал потом – они и занимались гимнастикой. Гнулись – невообразимо!) Веселые, простые – мне было с ними легко.

Встречался я с ними не так часто, как некогда с Юлькой, но уж отрывался тогда по полной. Обычно это происходило или у них на даче, недалеко за городом, или в той же кладовке, как видно, служившей местом встреч целых поколений бывших пионеров-комсомольцев.

«Сестренкам» было на тот момент по шестнадцать лет, то есть чуть старше меня. Да, был секс в СССР, был... что бы там ни втирали народу старые коммунистические тетеньки, давно забывшие, как он выглядит, этот самый секс.

Кстати сказать – обе девчонки не были девственницами. И я не спрашивал – как это у них случилось до меня. Какое мое дело? Мне всегда казалось, что это личное интимное дело каждого человека, и расспрашивать о таком неприлично, даже если этот человек твоя близкая подруга. Захочет – сама расскажет. Не захочет... честно говоря – мне неинтересно. Я не возбуждаюсь от разговоров о чужом сексе. Хотя оставляю право за другими говорить о чем угодно, если это не нарушает чей-то покой и те же самые права.

Прошла весна, прошло лето. Снова школа и новый сезон чемпионатов. Летом всякая активная жизнь замирает – люди разъезжаются в отпуска, на дачи, солнце плавит асфальт и вытапливает из людских голов остатки разума, если они там вообще были. В жару к рекам, речкам, прудам и озерам съезжаются те, кто хочет убежать из раскаленных каменных джунглей и вдохнуть хоть немного прохладного воздуха, пахнущего тиной, водорослями и дымом мангала, на котором жарят пресловутые шашлыки, так любимые дачниками и туристами.

Летом нет театрального кружка – до сентября, спортзал полупустой, и можно пропускать тренировки – Петрович не сердится, лето ведь, юность! Упустишь – никогда не вернешь.

Ну, я и наверстывал. Где мы только не побывали с «сестренками» – ночевали в палатке, на берегу реки, накрывшись одним одеялом, занимались любовью в воде, прямо на глазах ничего не подозревающих купальщиков. Гуляли по городу, заходя в кафе-мороженое и в кинотеатры – само собой, на последний ряд, и само собой – не без гнусных помыслов. Хотя – что может быть гнусного в молодых ребятах, которым хорошо друг с другом и которые счастливы – молодость, здоровье, свобода! Живи да радуйся!

Однажды «сестренки» напросились ко мне домой, и я как ни отбивался под разными предложениями, так и не смог им отказать.

Почему отбивался? Боялся реакции мамы. Моей прозорливой мамы. Стоит ей догадаться, что я завел себе что-то вроде гарема, и...

А что «и»? А я не знал, что – «и»! В моем представлении мама была совсем уж старой закваски и точно не сторонница исламизации, с их гаремами а-ля «Белое солнце пустыни». В конце концов, мы же не арабы!

Кроме того, за всю свою жизнь я ни разу не видел, чтобы мама с кем-нибудь из мужчин «встречалась». Не приводила в дом, не ходила на свидания. Почему? Я ее никогда об этом не спрашивал. Как-то даже и в голову не приходило. Ну как вот так взять и задать этот вопрос маме: «Мам, а почему у тебя нет мужчины?!» Какое мое дело? Захочет – сама скажет. Или не скажет. И это правильно.

Я шпану не боялся, я смерти не боялся, боль телесная для меня – как для другого – заусенец с ногтя оторвать. Но тут... представлю, как моя мама осматривает девиц своим зорким взглядом следователя, все понимает, и... у меня выскакивает нервный смешок и мурашки бегут по телу.

М-да... Чистильщик хренов! Мамы боится!

В общем – в конце концов девчонки меня все-таки уломали. Сам не знаю, как поддался. Глянули своими здоровенными глазищами, помуслявили пухлыми губками – я и потек, как горячий асфальт. Мол, заскочим на минутку!

Господи, если бы я знал, чем это все закончится! И сейчас смешно – вот же у меня судьба! И откуда, для чего я такой уродился? Зачем вообще на свете живу?

В общем – прямиком с пляжа, да к нам домой. Загорелые, в песке, волосы в стороны – как пакля. В глазах солнечные зайчики, пойманные от зеркальной поверхности воды, а жрать хочется – аж в животе бурчит!

Я брал с собой деньги, но мы все уже проели – мороженое, пирожки, газировка. Вот и договорились, что забежим, чаю попьем – с мамой познакомлю! А потом и поедем к Машке домой. Родаки ее на дачу свалили – как она нам радостно сообщила, – так что дома, кроме кота и попугайчика, никого нет. Устроим свальный грех, посмотрим чушь по папкиному видеку,

а потом... снова устроим свальный грех! Замечательная программа, о которой может мечтать любой половозрелый гражданин СССР, – так заявила Машка, отличавшаяся прекрасным литературным произношением и любившая вернуть в разговор что-нибудь эдакое, заумное.

Она вообще была полной противоположностью Таньке, девчонке разбитной и довольно-таки хабалистой. Что их так сдружило, почему они друг за друга готовы были весь мир разорвать – совершенно непонятно. Вернее, я не понимал. Вначале.

Даже семьи у них из разных социальных слоев – у Машки отец ведущий инженер крупного оборонного завода, а у Таньки автослесарь – правда, тоже не бедствующий. И у той, и у другой родители махнули рукой на дочь – учится, не пьянствует, двойки домой не приносит, в милицию не забирают – и слава богу! Других проблем хватает. Семейных. (И у той, и у другой отцы погуливали, то сходились с матерью, то расходились, и этот вечный скандал, вечная борьба за мужика не способствовали контролю за дочерью. К ее, дочери, вящему удовлетворению. Во всех смыслах этого слова!)

Помню, как мама вытаращила глаза, увидев нашу честную компанию. Я, в выцветших джинсах и закапанной соком из беляша безрукавке, и девчонки – русоволосые, коротко постриженные, сероглазые, в коротюсеньких платьях, едва прикрывающих тугие попки, натянутых спереди тугими, совсем уже не девчачьими грудями!

– Привет. Мам, это Таня. А это Маша. Мы вместе в кружке занимаемся! Можно мы у нас чаю попьем?

После слов «в кружке занимаемся» мама чуть дернула бровями, и я понял, что она точно, мгновенно поняла, в каком мы кружке и чем занимаемся. Тут еще сами девчонки выдали – смотрели на меня так, будто я мороженое и прямо сейчас хотят меня полизать! Хоть бы вид сделали, чертовы куклы!

Но все прошло очень хорошо, даже лучше, чем хорошо. Конечно, мама не преминула надо мной подшутить – она тут же загнала девок в ванную – вымывать из волос песок, приводить себя в порядок, а когда мы оказались на кухне вдвоем, ехидно улыбаясь, сказала:

– Черт подери, а почему не трое? Или четверо? А чего – гарем так уж гарем!

А когда я начал, конфузясь, отрицать очевидное, махнула рукой и сказала:

– Заткнись. Не ври матери. Что есть, то есть. Одно скажу – хорошо, что ты от Юльки отделался. Я знаю, кто она такая. Там темная история была – с ее папашей, с матерью Юльки, с самой Юлькой. Ты знал, что она забеременела в седьмом классе, от учителя? То-то же! Учителя закрыли, ей аборт сделали. История была громкая – не для всех громкая, конечно. Но я узнала. Она сказала, что учитель ее изнасиловал. Парня и закрыли, надолго закрыли. Только слухи такие, что она сама его и соблазнила. Понял теперь?

– Мам! – Я был ошеломлен и не находил, что сказать. – Ты почему мне сразу-то не сказала?! Про Юльку? Чего молчала-то?! Ни фиги себе!

– Почему молчала? – Мама пожевала губами, посмотрела в окно: – А ты бы как воспринял *тогда?* Что мама хочет очернить твою девушку, лишь бы от тебя отбить?

– Мам! – Я был неприятно удивлен, обижен. – Неужели ты могла подумать, что я решу, будто ты мне врешь? Что ты нарочно льешь грязь на мою девушку? Что я не поверю тебе?! Ну как ты могла так подумать?!

Мама вдруг как-то обмякла, без сил опустилась на кухонный табурет. Ее лицо посерело, глаза закрылись, и я бросился к ней в испуге:

– Мам, что с тобой?! Мам!

Она вдруг схватила меня за руку, неожиданно сильно притянула к себе, прижалась лбом к предплечью. Посидела секунды три, потом отодвинулась, глядя вдруг заблестевшими глазами, сказала:

– Прости. Больше никогда так не буду. Буду всегда тебе доверять. Господи, как мне повезло с тобой, а? Как повезло! Взрослый совсем стал... мужчина!

Она вдруг хитро улыбнулась, погрозила мне пальцем:

– А предохраняться не забывай, мужчина! Надо тебя к врачу сводить, проверить... а ты что-то разбушевался! Я вот слышала на днях, звонила подруге – одна девушка заразила весь пионерский лагерь! Представляешь?

– Ма-ам! – Я фыркнул и захохотал, на мой хохот из дверей ванны выглянули «сестренки», а потом появились и целиком, босоногие, с влажными волосами, молодые, красивые, пышущие здоровьем.

– Давайте за стол! – Мама тяжело поднялась, но «сестренки» кинулись к ней, защебетали, усаживая ее на место, и через минуту уже хлопотали по кухне, гоняя меня то за сахаром, то за чашками, то достать чаю. А потом мы все, отдуваясь, пили чай с лимоном – я всегда любил и люблю чай с лимоном. И лучше – зеленый чай.

Болтали обо всем и ни о чем – девчонки хохотали, мама шутила, но я видел, как ее внимательные глаза вроде как невзначай обшаривали наших гостей. Что она скажет после, когда будем наедине? Во что выльется это самое посещение?

Через пару дней, когда мы с ней вдвоем сидели на кухне и я вяло ковырял вилкой творожник, «очень полезный для костей растущего организма», мама вдруг усмехнулась и выдала мне такое, от чего я закашлялся так, что из носа у меня ползли белесые кусочки творога, пополам со сметаной, чаем и соплями.

– Ты знаешь, я тут подумала – а что, в гареме есть своя прелесть! (Кхе-кхе... уыы...) Одна готовит, другая стирает! Опять же – есть о чем поговорить, мужа обсудить! Кстати, девчонки мне понравились. Шустрые такие, как я в юности! Хорошо, что ты с ними, а не с Юлей... Ладно, ладно! Не хмурься! И чего глаза тарачишь? Живи, пока живется, пока молодой! Потом некогда будет. Я вот тоже, всю жизнь свою спустила в унитаз – одна только радость мне – это ты! И за что на старости лет мне такое счастье привалило?! Может, все-таки заслужила, а? Да ладно, не улыбайся... правда – счастье. Я тобой горжусь. Сильный, красивый, добрый, и... девушки тебя любят! А значит, без внуков меня не оставишь! Хочу понячить, прежде чем умру.

– Ма-ам! Хватит эту фигню, а?! Ты до ста лет проживешь, точно! Опять затянула свое! Умру, умру... ты еще не старая совсем!

– Зато больная! – Мама глянула на меня ясными, зелеными глазами и твердо сказала: – Я знаю, что долго не проживу. Но прежде – тебя на ноги поставлю, женю и внуков посмотрю! Так что Харон подождет! А ты... знаешь что, небось вы с девчонками по каким-нибудь сараям скитаетесь да попами муравейники трамбуete (я захохотал!), ты приводи их лучше сюда. Комната твоя большая, места много, а слышу я уже плохо – глуховата стала, так что вы мне не помешаете. И мне веселее. Девчонки, если что, на кухне помогут, да и просто – поболтать! Ну чего ты лыбишься-то, засранец?! Что, мол, решила – не женить, так чтоб как-нибудь внука заиметь? Хоть так? Да у тебя все на твоей «аленделоновской» морде все написано! Бесстыдник!

Мы начали хохотать – я давно так не смеялся, аж слезы потекли! Ну и мама, ну и хитрованка! А что, вон как хитро все расписала! Медовая ловушка, да и только! Расскажи кому-нибудь, ведь не поверят! Мама предложила приводить девушек домой, да не одну, а сразу двух! Чтоб уж наверняка! Залетит – вот тебе и внук! А потом еще и женятся! Несовершеннолетние? Ну и что, мало ли по залету женятся!хлопотно, скандально, зато результат! А то эдак от сына до самой своей смерти внука не дождешься!

* * *

Это лето было, вероятно, самым лучшим в моей жизни. Даже моя тяга к охоте на Тварей ослабла, и хотя я дважды этим летом выходил на поиски Бесов, но как-то вяло, без огонька. Избил еще одну шайку – парни были постарше, чем в первой, – погасил двух Тварей. Одного,

как ни странно – вроде совсем. Как определил? Это не передать. Просто стоишь над бесчувственным телом и знаешь – все, я выпил его до дна!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.